

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ГОРОДСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ
ГАЗЕТА "АРМАВИРСКИЙ СОБЕСЕДНИК"

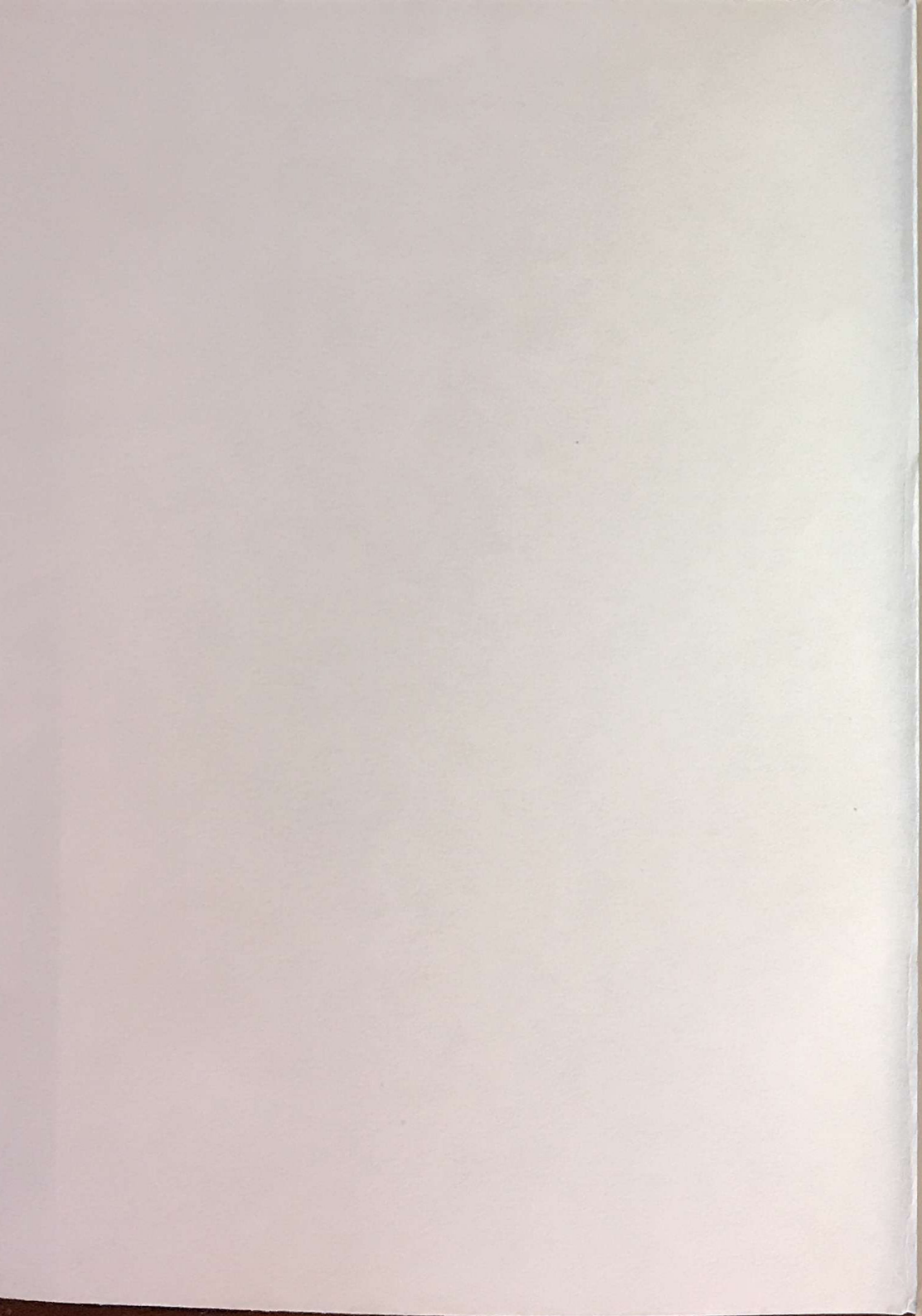
Практические опыты исторического регионоведения.
Вып. 20.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ПУШКИНСКАЯ КУБАНЬ

Армавир - 1999

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ГОРОДСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ
ГАЗЕТА "АРМАВИРСКИЙ СОБЕСЕДНИК"

Практические опыты
исторического регионоведения.
Вып. 20.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ПУШКИНСКАЯ КУБАНЬ

(историко-литературоведческие этюды)

Под редакцией профессора
В. П. НЕВСКОЙ

Армавир - 1999

© Армавирский госпединститут. Кафедра регионо-
ведения и специальных исторических дисциплин.
В. Б. Виноградов. 1999.

В юбилейном (20-м) выпуске сериала "Практические опыты исторического регионоведения" помещена (в заметно дополненном и доработанном виде) подборка статей, опубликованных с осени 1998 г. в городской ежедневной газете "Армавирский собеседник" в рубрике: "К 200-летию А. С. Пушкина: поэт и Кубань". Автор - зав. кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского госпединститута, действительный член (академик) Международной Академии информатизации и Академии истории и политологии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, профессор, доктор исторических наук, член Союза журналистов России Виталий Борисович ВИНОГРАДОВ.

Издание рассчитано на всех, кто любит творчество классика русской словестности и хочет познакомиться с кубанскими страницами его биографии и литературного наследия.

200-летию А. С. Пушкина посвящается

“ЕГО СЛЕДЫ ЕЩЕ ХРАНИТ КАВКАЗ...” **(вводные замечания)**

В городе Пятигорске осенью 1998 года состоялись “Пушкинские чтения на Кавминводах” (Северо-Кавказская региональная научно-практическая конференция). Представительный форум (и своевременно изданный сборник его материалов: “А. С. Пушкин, Кавказ, современность”) открылся докладом “Взгляды А. С. Пушкина на Северо-Кавказскую деятельность генерала А. П. Ермолова”, подготовленным мною совместно с аспирантом Ю. Ю. Клычковым (г. Ессентуки).

Первая из многих, приуроченных к славной дате 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, конференция собрала весьма пестрый состав участников: от профессоров и доцентов многих вузов до школьных учителей и краеведов из Пятигорска, Кисловодска, Ставрополя, Нальчика, Санкт-Петербурга, Владикавказа и других городов России. Рядом с несколькими весьма содержательными сугубо научными докладами прозвучали многочисленные, крайне любопытные и познавательные этюды личностного характера.

Малоизвестные страницы пушкинских странствий 1820 и 1829 годов от Ставрополя и Кубани до Закавказья, судьбы его спутников, лицейских товарищей, представителей северокавказского окружения поэта; рассказы о собственных предках, чьи жизненные тропы пересекались с биографией классика отечественной словесности и философской мысли; отражение историко-культурных реалий

минувшей истории Кавказа в произведениях Пушкина, в том числе посвященных Кубани; образ великого поэта, запечатленный в стихах и прозе выдающихся мастеров советской художественной литературы...

Всего не перечислить! Но общий дух преклонения перед гением, осознание того, что, как сказал пятигорский литературовед А. В. Очман, "...вторжение Кавказа в жизнь Пушкина объективно стало важнейшей вехой его личной и творческой биографии, обозначившей явственный переход к человеческой и художественной зрелости", - создавали чистую и трепетную атмосферу личной сопричастности к негаснущему "солнцу нашей поэзии", как назвал классика В. Г. Белинский.

Именно в связи с этой конференцией у меня окончательно окрепло намерение собрать воедино основные сведения об истории изучения пушкинской проблематики на Кубани, то есть продолжить начинание недавно ушедшего из жизни краснодарского литературоведа Н. Ф. Веленгурина, который более 20 лет назад посвятил этому первые страницы своей прекрасной книги "Дорога к Лукоморью" (Краснодар. 1976), на которую я сразу же откликнулся похвальной рецензией (см.: Виноградов В. Встречи у Лукоморья // Комсомолец Кубани. 1 марта 1977 г.; Виноградов В. Б. Из истории и культуры Кубани: 30 рецензий. Армавир. 1997. С. 12-18).

Известно, что кубанский писатель Н. Канивецкий к 100-летию со дня рождения выдающегося поэта собрал, подготовил и выпустил сборник "Кавказ в поэзии Пушкина" и одновременно в "Кубанских областных ведомостях" напечатал статью "Кубанская область в произведениях А. С. Пушкина" (1899 г., 26 мая, № 108), недавно переизданную (см. сб.: На вершок от счастья. Краснодар. 1993; Литература Кубани. Хрестоматия (5-11 классы). Краснодар: Советская Кубань. 1995. С. 214-216). Краевед ошибся, приписав Пушкину посещение Кубани дважды (в 1820 и в

1829 году). Но зато, отправляясь от внимательного прочтения пушкинских поэтических и эпистолярных текстов, он впервые выявил отдельные примеры - "указания относительно Кубанской области, имеющиеся в сочинениях и переписке А. С. Пушкина".

Несмотря на это, М. Гершензон в 1908 году подчеркивал чрезвычайно слабую изученность "первой поездки Пушкина на Кавказ и в Крым, в 1820 году", где "ничего не обследовано: ни душевное состояние Пушкина, ни влияние на него новой обстановки, ни даже внешняя история поездки..." (Гершензон М. Северная любовь А. С. Пушкина // Вестник Европы. Спб. 1908. Кн. 1. С. 275). К схожим выводам относительно пушкинской поездки на Кавказ в 1829 году пришел Е. Г. Вейденбаум в статье, помещенной в "Кавказских этюдах" (Тифлис. 1901). Попытки определить маршрут и сроки путешествия в 1820 году от "Горячих вод" (Пятигорска) до Тамани предпринимались в досоветский период Н. О. Лернером (Труды и дни Пушкина. Спб. 1910. С. 57), А. Бержье-Делагердом (Пушкин и его современники. Т. 5. Пг. 1914. С. 102-105), а спустя более четверти века, и М. А. Цявловским в его неоконченной "Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина" (Т. 1. М. 1951. С. 226).

Достойны упоминания ценный труд Л. П. Семенова "Пушкин на Кавказе", изданный дважды: в сборнике "Известия Северо-Кавказского педагогического института" (Т. XIII. Орджоникидзе. 1937. С. 9-37) и отдельной книгой (Пятигорск. 1937), и не потерявший своего значения до сего дня (см.: Владикавказские Пушкинские чтения. Вып. 1. Владикавказ. 1993), статья Т. П. Бурдаковой "Поэма Пушкина "Тазит" в "Ученых записках Адыгейского научно-исследовательского института", изданная в Майкопе, в 1964 году (Т. 3. С. 114-139), а также и недавняя, выдержавшая два издания, книга Г. И. Кусова "Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина" (см.: Изд. 2-

е, дополненное. Орджоникидзе. 1987). Во всех них немало представлены кубанские страницы жизни и творчества поэта.

Примыкает к ним и монография моего покойного отца, известного литературоведа Бориса Степановича Виноградова (1910-1980) "Кавказ в русской поэзии 30-х гг. XIX в." (Грозный. 1966. С. 23-62), в которой выразительно и свежо звучат отдельные Кубанские мотивы.

И все же, содержательный очерк "Вдоль кордонной линии" Н. Веленгурина в упомянутой уже выше книге являлся первым достойным опытом проникновения в тонкую канву пушкинской темы на Кубани.

В последующие годы можно отметить публикационную деятельность В. А. Михельсона (см., например: Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодар. 1985. С. 170-178), а в последнее десятилетие - довольно многочисленные и разнообразные пушкинские сюжеты в изданиях моей научно-педагогической школы (см.: Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993; Виноградов В. Б., Ларина О. М. История Кубани) в русской художественной литературе. До начала XX века / Программа интегрированного курса. Армавир. 1994; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (Вторая половина XVIII - первая треть XIX века). Poleмические этюды. (Армавир-Грозный. 1996. С. 37-54; и мн. др.).

Более или менее эпизодические сведения и суждения об отдельных аспектах общей темы "Пушкин и Кубань" отмечаются в ряде книжных новинок, используемых ниже, причем их поток будет непременно нарастать в связи с приближающимся юбилеем великого сына России.

Этой же цели служит и представляемая читателю обобщающая (хотя и небольшого объема) книга, основное содержание которой опубликовано с осени 1998 по весну 1999 года на страницах городской массовой газеты "Ар-

мавирский собеседник". Она еще раз призвана показать, что А. С. Пушкин - драгоценная частица нашей Отчизны, ее истории, духовно-нравственной доминанты каждого русского человека, каждой судьбы истинных россиян! А. С. Пушкин наиболее яркое олицетворение той РОССИЙСКОСТИ, что позитивно питала русско-кавказские связи (библиографию см.: Матвеев В. А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к "тюрьме народов", национализму, евразийству и российскости. Под ред. В. Б. Виноградова. Армавир - Ростов-на-Дону. 1998). Его немеркнущая слава, неисчерпаемый гуманистический потенциал - не плод официальной идеологии, а факт общенародного поклонения, обретения себя...

Кайсын Кулиев написал:

Его следы еще хранит Кавказ,

Его шаги еще слышны в ущельях...

Строки эти были на памяти в дни, когда я писал предлагаемые ниже историко-литературоведческие этюды.

ЧЕРЕЗ КУБАНЬ "ОН ПРИБЫЛ" В КРЫМ

В преддверии двухвекового юбилея Александра Сергеевича Пушкина уместно шаг за шагом проследить, восстановить, уточнить и осмыслить "кубанский след" в биографии и творчестве классика отечественной и мировой литературы и общественной мысли. Сделать это тем необходимее, что должное обобщение обширной и многогранной темы "Пушкинская Кубань" еще не выполнено.

Начнем с биографических нюансов.

Недоразумением является утверждение, что 28 мая 1820 года семья генерала Н. Н. Раевского и присоединившийся к ней Пушкин "выехали из Екатеринослава (ныне Днепропетровск) по дороге на Кубань и далее - на горячие, кислые и железные воды Северного Кавказа" (см.: Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения

археолога. М. Наука. 1979. с. 25; Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. Том I. М. 1987. С. 334). Это создает впечатление, что А. С. Пушкин еще на заре лета в тот год посетил Кубань, что не соответствует истине. На самом деле на "Кавказские воды" он попал через Ставрополь, по трассе Таганрог-Аксай-Кагальницкая-Ставрополь-Георгиевск.

Неверно и утверждение опытного майкопского исследователя А. О. Хоретлева, утверждавшего вслед за Н. Канивецким, что и в 1829 году великий поэт и писатель якобы "проезжал через Адыгею и Кубанскую область" (Хоретлев А. О. Влияние России на просвещение в Адыгее. Майкоп. 1957. С. 27). Во-первых, таковых административных единиц на территории Северо-Западного Кавказа в ту пору просто не было. А во-вторых, маршрут пушкинского "путешествия в Арзрум" вовсе не затронул Кубанские берега.

На самом деле, как прочно установлено в русской пушкинистике (более всего, стараниями владикавказского профессора Л. П. Семенова (см.: Семенов Л. П. Пушкин на Кавказе. Пятигорск. 1937; он же. Хронологическая канва путешествий А. С. Пушкина по Кавказу // Владикавказские Пушкинские чтения. Вып. 1. Владикавказ. 1989. С. 12-17), временные вехи непосредственного соприкосновения судьбы Пушкина с Кубанью выглядят так.

Выехав из Пятигорска 5 августа 1820 года, Александр Сергеевич, вместе с семьей Раевских, проследовал через станицу Прочноокопскую. В армавирском краеведении укрепилась весьма основательная версия: "За станицей Прочноокопской старая Ставропольская дорога делала крутой поворот к высокому правому берегу реки Кубани. Это место получило название Пушкинские высоты. Здесь установлена стела с барельефом поэта, высажены деревья и кустарники..." (см.: Армавир. Краснодарское книжное издательство. 1989. С. 22).

Далее пушкинский маршрут пролегал по линии станций так называемого Правого фланга Кавказской Линии через "Царицынский редут", Темижбек и станицу Кавказскую (см.: Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. Ставропольское кн. изд-во. 1986. С. 24-25).

Между прочим, в станице Темижбекской поэт встретился с Гавриилом Гераковым - молодым чиновником, посетившим Кавказ и опубликовавшим вскоре подробные дневниковые записи (см.: Гераков Г. Путешествие к Кавказским Водам, по Кубанской линии и Тамани // Северный архив. 1823. № 4-5). Из них мы узнаем подробности пребывания А. С. Пушкина на этом отрезке Средней Кубани: ночевка в Кавказской (где путники "встали не выпавшись от жары и насекомых") и званый обед у коменданта одноименной крепости подполковника А. Ф. Урнежевского, пригласившего к себе спутников "генерала Раевского и его фамилии" (см.: Устинов Б. Очерки истории станицы Кавказской. Ст. Кавказская. 1994. С. 17).

А потом, 10 августа 1820 года, Пушкин и Раевские, миновав почтовые станции Казанскую, Тифлисскую, Ладожскую, Усть-Лабинскую, прибыли в Екатеринодар - столицу Кубани, откуда, не теряя времени, проследовали через станции Ровскую, Мышастовку, Каракубань, Копыл, Калаузы, Курай, Темрюк, Пересыпь и Сенную, что составило около 360 верст, которые были преодолены за три дня, ибо вечер 12 августа застал путешественников уже в Тамани. Здесь, в "заштатном" портовом городе задержались на трое суток, ожидая пароходного рейса, и 15 августа Пушкин и Раевские отбыли морем с Кубани в Крым. Позднее, в черновиках "Путешествия Онегина", автор отправит своего героя той же дорогой, по которой ехал сам:

*Простите, снежных гор вершины,
И вы, кубанские равнины,*

*Он едет к берегам иным,
Он прибыл из Тамани в Крым...*

Итак, Северный Кавказ позади! Всего неполные 10 дней связали тогда жизнь А. С. Пушкина с Кубанью... Но как много дали они для его творчества и миропонимания!

“...ТАМ РУСЬЮ ПАХНЕТ!”

В 1937 году, в связи со 100-летием гибели великого поэта, профессор Л. П. Семенов писал: “До первого путешествия на юг мотивы о Кавказе совершенно отсутствовали в поэзии Пушкина” (Семенов Л. П. Пушкин на Кавказе // Известия Северо-Кавказского педагогического института. Т. XIII. Орджоникидзе. Северо-Осетинское государственное издательство. 1937. С. 19). Между прочим, пожелтевший и обветшавший от времени и постоянного использования отдельный оттиск этой основополагающей статьи с автографом, обращенным к моему отцу-литературоведу - “Б. С. Виноградову на память от автора. 21.XII.1945 г.” - хранится в моей библиотеке и “ходит по рукам” моих студентов и коллег, изучающих русско-кавказские историко-литературные связи.

Сегодня, однако, категорическое утверждение маститого пушкиниста не может удовлетворять нас, так как под Кавказом Л. П. Семенов подразумевал все же прежде и более всего горные пространства региона, тогда как Кубань куда меньше интересовала его.

Между тем, территория современного Краснодарского края включает в себя основную часть восточночерноморского и азовского побережья, простираясь на север до ближайших подступов к устью Дона, Азову. Этот прибрежный отрезок входил в географическое понятие “Лукоморье”, весьма распространенное в начале XIX века и порожденное картографическим абрисом морских берегов, напоминающим контуры натянутого лука. Прекрасно

было известно всем, что в этих местах издревле обитают казаки.

Уже в 1814 году юный Пушкин написал стихотворение "Казак", в котором, как справедливо считается, "фольклорный мотив разрабатывается пока все же по литературным образцам" (Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: творческая эволюция. Ленинград. 1986. С. 26), то есть по тем кавказоведческим и общеисторическим трудам, которые с подросткового возраста привлекали внимание поэта. Вместе с тем, "давно установлено сходство пушкинского стихотворения с малороссийскими песнями об увозе девицы" (Белецкая Е. М.: А. С. Пушкин и казачество // Владикавказские Пушкинские чтения. 1993. С. 51). Учитывая украинское происхождение черноморского казачества на Кубани, можно видеть здесь невнятные пока отголоски осведомленности и в фольклорных кубанских сюжетах.

Недаром в сказочной поэме "Руслан и Людмила", создававшейся в 1817-1820 годах, Пушкин в первых же строках "Посвящения" утверждает:

*...Времен минувших небылицы
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал...*

А "небылицы" эти включали в себя и поэтический образ "лукоморья", и разработку характера "непонятого" (по тонкому замечанию историка; см.: Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М.: Родикс. 1995. С. 50-51) "младого хазарского хана Ратмира" (Хазария включала в себя азово-причерноморские степи), и фантастического злого волшебника с многозначительным именем "Черномор", и героя поэмы Руслана, в чьем имени легко угадываются половецко-хазарские корни ("арслан" по-тюркски "лев") и многое другое, указывающее на то, что "дела минувших дней, / Преданья старины глубокой" так или иначе связаны, в частности, и с нашими ме-

стами. Воочию Пушкин увидит их на фоне Кавказского хребта лишь летом 1820 года, после чего в эпилоге к "Руслану и Людмиле" родятся чеканные строки:

*Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы,
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой...*

Но, вероятно, самое важное, самое яркое пушкинское прозрение в поэме-сказке состоит в том, что он предугадал, воспредчувствовал глубокую многовековую связь Лукоморья с той Ранней Русью, которую так любил и воспевал поэт.

"Там русский дух... Там Русью пахнет!"

Это - кодовые слова, таящие в себе непреходящий смысл необозримо давнего родства азово-причерноморского бассейна и Киевской средневековой державы - истоков будущей великой России.

Недаром В. Г. Белинский прозорливо писал: "С легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страною не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страною кипучей жизни и смелых мечтаний! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценною кровью сынов ее и подвигами ее героев..."

И первая личная вдумчивая встреча будущего классика отечественной словестности с начальной подоплекой последующего прочного включения наших мест в состав Российского государства состоялась именно в Тамани.

“МСТИСЛАВА ДРЕВНИЙ ПОЕДИНОК...”

С 12 по 15 августа 1820 года (всего три дня!) А. С. Пушкин и семья генерала Раевского прожили в Тамани с ее кривыми улицами и небольшими домиками, крытыми тростником. Спустя почти два десятилетия, М. Ю. Лермонтов обозвал Тамань “самым скверным городишком из всех приморских городов России”, имея на то известные основания (см.: Виноградов А. В. Лермонтовская Кубань. Историко-литературоведческие этюды. Армавир. 1997). Однако не следует и сгущать краски! В 1825 году город Тамань мало уступал по численности населения войско-вой столице-городу Екатеринодару (соответственно: 3906 и 4312 душ обоего пола), а по количеству “каменных домов” превосходил в несколько раз (128 и 26), (см.: Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. Спб. 1829).

Профессор Л. А. Черейский (крупный ленинградский пушкинист) пишет по этому поводу: “Здесь в местной церкви Покрова Пушкин ознакомился с древним памятником, так называемым Тмутараканским камнем - мраморной плитой с высеченной на ней древнерусской надписью 1068 года: “В лето 6576 индиката 6 Глеб князь мерил море по лёду от Тмутаракана до Корчева (Керчи) 14000 сажень” (Черейский Л. А. Пушкин и Северный кавказ. Ставропольское книжное издательство. 1986. С. 24-25).

Этот замечательный памятник русской старины в те времена символизировал подлинное открытие загадочных города Тмутаракань, русского Тмутараканского княжества на Таманском полуострове. А они живо интересовали поэта, внимательно вчитывавшегося в “Историю Государства Российского”, вышедшую из-под пера великого русского историка Н. М. Карамзина.

В письме к брату (Льву Сергеевичу) читаем: “С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества,

открылись мне берега Крыма". А. А. Формозов по этому поводу рассуждает: "Что летописная Тмутаракань находилась на Тамани, было установлено совсем незадолго до поездки Пушкина. Авторы XVII века помещали ее в районе Астрахани, В. Н. Татищев и И. Н. Болтин - в районе Рязани, Феофан Прокопович - в Литве, Г. Байер - в Темрюке. Только находка на Таманском городище в 1792 году мраморной плиты с русской надписью 1068-1069 годов с упоминанием Тмутаракани помогла определить местоположение древнего поселения. В 1806 году А. Н. Оленин опубликовал книгу "Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском". Возможно, путешествующий поэт и читал ее... В Фанагорийской крепости Пушкин мог видеть тмутараканский камень. В 1803 году при поездке по Крыму и Тамани талантливый архитектор и писатель Н. А. Львов устроил в местной церкви нечто вроде музейной экспозиции, расставив в виде скульптурной группы тмутараканский камень, куски мраморных плит с древнегреческими надписями и обломки античных статуй, найденных около Фанагории. Как выглядела эта экспозиция, характерная для эпохи, стремившейся объединить, увязать античные и русские памятники, мы знаем по гравюре в книге А. Н. Оленина. В 1820 году эту экспозицию в церкви еще берегли. Ее осмотрел и описал путешествовавший одновременно с семьей Раевских и Пушкиным третьестепенный литератор Г. В. Герарков. Лет через десять все древности из церкви выкинули. Тмутараканский камень в 1835 году перевезли в Керченский музей, а уже оттуда в 1854 году - в Эрмитаж" (Формозов А. А. Пушкин в древности. С. 28).

В "Истории..." Н. М. Карамзина Пушкина привлек такой факт, выписанный им: "Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана (острова Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятнос-

ти, нынешними черкесами) в единоборстве одолел князя их Редедю”.

Громкий исторический эпизод нашел свое отражение в “Слове о полку Игореве”, выдающемся произведении древнерусской художественной литературы XII века, где среди героев старины упоминается “храбрый Мстислав”, что “зарезал Редедю пред полками косожскими”. Пушкин же хорошо знал и любил “Слово...”, черпал из него свои образы (см.: Николаева Т. М. “Слово о полку Игореве” и пушкинские тексты. Москва: Индрик. 1997. С. 129-326). Вот почему в “Эпиллоге” к поэме “Кавказский пленник”, написанной по свежим следам пребывания на Кубани, А. С. Пушкин ждет от Музы - “легкого друга Мечты”, что:

*Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок...*

И в дальнейшем интерес поэта к личности тмутарканского князя нарастал. И не только его! В те же годы внимательно изучает летописную “Повесть временных лет” и “Историю” Н. М. Карамзина друг Александра поэт-романтик Кондратий Рылеев. Он в серии своих “Дум” создает исторически достоверное, патриотическое по настрою стихотворение “Мстислав Удалый”, перекликающееся с известной в ту пору картиной маслом А. И. Иванова “Единоборство князя Мстислава Владимировича Удалого с касожским князем Редедей” (1812 г.), (см.: Виноградов В. Б., Чернова Л. Н. История Кубани в отечественном и зарубежном изобразительном искусстве. Досоветский период. Учебный вспомогательно-справочный материал. Армавир: АГПИ. 1995. С. 16).

Иным путем пытается пойти Пушкин: в 1822 году поэт не раз обращается к плану поэмы “Мстислав”, в котором

значительное место занимают события на кубанской земле. В набросках плана поэмы фантастически (на первый взгляд) переплетаются судьбы разных народов (русичей, касогов, печенегов, татар), исторических и былинных деятелей, "изгнанных святым крещением" из Руси языческих богов и пр. Развивается тема похода Мстислава на касогов, вспыхнувшей любви к нему "царевны касогов", которая с помощью своей матери-волшебницы чародейством заманивает русского князя сперва на некий "остров наслаждений", а потом "в горы Кавказские". Тмутарканский правитель, по замыслу автора, должен был действовать в полуреальном, в полусказочном мире, который перекликается в чем-то с чарующими сценами и образами пушкинского Лукоморья, представленными в "Руслане и Людмиле" (Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М.: Радикс. 1995. С. 50-51).

Замысел так, однако, и не осуществился: чеканным рылеевским строфам не удалось противопоставить нечто значительное! (см.: Маркелов Н. В. "Мстислава древний поединок..." (Кавказское средневековье в интерпретации А. С. Пушкина) // А. С. Пушкин, Кавказ, современность. Пушкинские чтения на Кавминводах. Пятигорск. 1998. С. 4).

Впрочем, все может быть и иначе, сложнее, сказал бы даже "почвеннее"...

Известно, что одним из популярнейших русских былинных сюжетов является "Бой Ильи Муромца с сыном". В современной этнографии обращается внимание на сюжетный параллелизм его и летописного рассказа о поединке Мстислава с Редедей. В этой связи интересно такое мнение: "...А. С. Пушкин в 1822 г. набросал планы поэмы "Мстислав". В ней Илья Муромец выступает в роли отца Мстислава; между ними происходит поединок. В другом варианте Мстислава соблазняет царевна касогов, принявшая облик касожского воина. В третьем говорить, что в

молодости Илья Муромец сошелся с татарской царевной; отпрыск от этой связи едет отыскивать отца". Таким образом, ставится на обсуждение вопрос о фольклорном и вообще еще не достаточно познанном истоке незавершенного пушкинского замысла (см.: Дзибель Г. В. Кавказские ассоциации русского былинного мотива // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1994-1995 гг. Краткое содержание докладов. Санкт-Петербург: РАН. 1997. С. 33-34).

Но в любом случае, "виды Кубани" глубоко запали в душу молодого поэта. Причем не только морское побережье и Таманский полуостров!

Напомню стойкую версию армавирского краеведения: "За станицей Прочноокопской старая Ставропольская дорога делала крутой поворот к высокому правому берегу реки Кубань. Это место получило название "Пушкинские высоты". Здесь установлена стела с барельефом поэта, посажены деревья и кустарники.

Считается, что именно здесь молодой Пушкин впервые увидел необозримые закубанские дали, покрытые густыми зарослями леса, многочисленные рукава полноводной реки. Рядом с этим местом находилась почтовая станция, где меняли лошадей, в то время как путешественники отдыхали. Пушкинские высоты являются экскурсионным объектом" (Армавир. Краснодарское книжное издательство. 1983. С. 22).

Вряд ли все здесь бесспорно и достоверно, так как в пушкинские времена Ставропольская дорога выходила прежде всего к узловой и господствующей на местности российской крепости Прочный Окоп, и лишь затем шла вдоль крутого берега вниз по течению реки. Но в любом случае, внезапно открывшиеся взору "закубанские равнины" так поразили, так запомнились, что стали чуть ли не расхожими образами в целом ряде пушкинских произведений.

Судите сами:

*Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучих облаков,
И закубанские равнины...*

(“Я видел Азии бесплодные пределы...”)

*...Напоминают мне оне
Кавказа горные вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.”*

(“Не пой, красавица, при мне...”)

*Простите, снежные вершины,
И вы, кубанские равнины...*

(“Отрывки из путешествия Онегина”)

Поэт зорко разглядел, что все эти “долины”, “равнины” - “жилище дикое черкесских табунов”, то есть используются прежде всего не для постоянного обитания черкесов, а в качестве сезонных пастбищ.

Из этого наблюдения вытекало многое во взглядах Пушкина, о чем и пойдет речь ниже.

“НА КУБАНИ, ВЫШЕ УРУПА...”

Примечательно, что кубанские мотивы настойчиво вторгались в жизнь А. С. Пушкина еще до того, как выехал он на живописные берега реки Кубани. Находясь в Горячеводске (нынешний Пятигорск), он не раз встречался, например, с командиром 3-го батальона Тенгинского пехотного полка, дислоцировавшегося и в Прикубанье, (см.: Ракович Д. Тенгинский полк на Кавказе-Тифлис. 1900), майором Иваном Алексеевичем Курило, слушал его рассказы, в том числе и об ответных “военных экспедициях” в горы (Веленгурин Н. Дорога к Лукоморью. Краснодар. 1976. С. 14-14). В записях поэта читаем: “Гранев,

Курилов и Хохленко сидят у кисло-серного источника - Курилов рассказывает черкесский набег..."

Кроме того, "общим местом" в пушкинистике является утверждение, что впечатлительный Александр "в обществе Раевских мог услышать немало подлинных рассказов о взятых горцами пленниках" (Семенов Л. П. Пушкин на Кавказе. Пятигорск. 1937. С. 31). Современный исследователь пишет, что многочисленные рассказы о захваченных и освобожденных пленниках, служившие обычной темой повседневных бесед на Минеральных Водах, дополнялись собственными ощущениями при путешествии по Предкавказью под вооруженной охраной, чтобы, как писал сам Пушкин, "не попасться на аркан какого-нибудь чеченца". И не случайно в письме к брату-Левушке поэт признавался: "Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению" (Судьбы кавказских пленников (1817-1853 гг.) / Сост. Е. С. Тютюнина. Армавир-Нальчик. 1998. С. 3).

Известно несколько ярких конкретных примеров. И вот один из них, особенно интересный для нас.

В прекрасном двухтомнике "Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками" (Москва. 1987), воспроизведены малоизвестные воспоминания Д. Л. Мордовцева, ранее изданные более ста лет назад. По его словам, в молодости он услышал и запомнил весьма знаменательный эпизод пушкинской биографии, связанный с пребыванием у стен Кисловодской крепости.

Однажды А. С. Пушкин вместе с Н. Н. Раевским (младшим) и его сестрами отправился на прогулку в горы. Они приехали на мыс, образованный слиянием Ольховки и Березовки, где помещался духан Наркизова (тамошнего армянина). Духанщик накрыл проголодавшимся спутникам обед из форелей, наловленных старым казаком. Вскоре к компании подошел и сам рыбак на деревяшке вместо ноги и с Георгиевским крестом на груди.

Гости поинтересовались, за что он получил "Георгия". Бывший солдат рассказал о своем прошлом. Приведем важный фрагмент его повествования с необходимыми комментариями.

- Давно это было, - начал он, - так давно, что вас никого еще и на свете не было: - тогда только что начали садиться на Кубани запорожцы. Раньше того, на Кубани же, выше Урупа, оселась и наша станица. Житье было привольное, да только без винтовки, с позволения сказать, и до ветру нельзя было пойти. Так, по ночам, на берегу Кубани мы держали чати, сказать бы бекеты (пикеты), чтобы он, татарин, невзначай, не нагрязнул с того берега. Так вот, ваши благородия, сию я как-то ночью - моя черга была, сказать бы, мой черед: - сию я так-то в секрете, поглядываю на реку; а ночь - сказать бы - была темней темного; ничего не видно, только слышно, как вода в реке с камышами шепчется. И вдруг это, ваши благородия, что-то пролетело в воздухе, словно птица, - да и мне прямо на шею. Не успел я вскочить - оно и поволокло меня, да прямо в Кубань: - Это меня, значит; словно овцу; арканом захлестнули и поволокли, - и крикнуть не успел. Диви только, как я не захлебнулся в воде! Слышу - уж я на том берегу, и мне рот кляпом забивают. Забили - диви только как я не задохнулся. Связали меня, перекинули на спину лошади, словно суму переметную, и поскакали в горы, к ихнему аулу. Приехали - светать начало. Обступили меня старики, бабы и дети. - Урус! Урус! - кричат, а иные - старухи больше - и в глаза плюют. А там - и кандалы на ноги и стал я, ваши благородия, пастухом у их - за овцами доглядывать поставили. А парень я в ту пору был молодой, видный, русы кудри золотом отливали, - да не о том речь... Пасу это я овец, сию на камне, плету из прутьев плетушки для старых татарок, а сам все рвусь душою на родину. Живу так месяц, другой - привыкать стал и ко мне привыкли. Больше да больше, и бормотать по

ихнему малость научился и все больше от ребятишек: им я саночки из прутьиков плел. На ночь, бывало, загоню овец в кош, дадут мне чурек да овечьего сыру, поужинаю я, помолюсь, - да около овец в коше, под каменным навесом, и ночую вместе с собаками...

Заприметил я, однако, что приходила на меня смотреть и слушать одна молоденькая татарочка-черкешенка, сказать бы: - сидит это недалеке на камушке, шьет что-либо, слушает меня, да нет-нет и утрет слезы рукавом. И поверите ли, ваши благородия, - этими слезами своими она мне все сердце исполосовала. Дальше - больше, стала она подходить ко мне, то чурек свежий принесет, то кусочек овечьего сыру. Заговаривать стала, утешать по своему. И полюбилась она мне пуще сестры родной.

- А хороша была? - спросил Пушкин, глубоко заинтересованный рассказом...

- Уж так-то хороша, ваша милость, что и сказать не умею, - вздохнул рассказчик. - Дальше - больше - полюбились мы... Знамо, дело молодое... Ее же, как я узнал, сулили продать в чужой аул замуж за нелюба. Коротали мы с нею как-то одну ночку в моем коше... А все, ваши благородия, сказать правду, все тянуло меня на родимую сторонку: нет-нет да и засосет мне сердце, а тогда и ласкам ее не рад я был. Заметила она это, утешая меня, пуще прежнего голубила, да ничего не помогало. Она, бывало, в слезы, я тоже - молод был, слезы глотать выучился. Не перенесла она моих слез: - знамо, дело женское - мужские слезы им пуще ножа острого... Женское дело жалостливо, не то что наше. И говорит мне эдак: "Домой хочешь?" - Хочу, говорю, уйдем вместе со мной в Расею. - "Нет, - говорит, - не бывать этому: родилась в горах и умру в горах. А станут продавать в чужой аул - в Кубани утоплюсь..." Жаль мне ее было; признаться во как жаль, а себя - пуще того. - Если, говорю - не хочешь со мной уйти, так

выведи меня к Кубани, потому я здешних местов не знаю. Заплакала она, и я с ней заплакал - молод был, слезлив. Обнялись мы и плачем... Много дней мы так-то плакали... Не стерпела она мужских слез... Однажды ночью, когда весь аул выбрался на поиск - в набег, значит, - и дома остались старики да бабы с детьми, приходит она, Зюльма, ко мне, приносит с собой пилу и кинжал и говорит: "Прощай, мой сокол, распусти свои крылья и лети домой". И стала она сама распиливать мне кандалы, а сама плачет-плачет, слезы так и капают мне на босые ноги..."

Трогательная и правдивая эта история, полная достоверных историко-этнографических подробностей, своей сюжетной ситуацией сходна с мытарствами героев поэмы А. С. Пушкина "Кавказский пленник", что и позволило краснодарскому литературоведу Николаю Веленгурину считать, что рассказ казака, услышанный поэтом, послужил первоосновой знаменитой поэмы (Веленгурин Н. Указ. соч., С. 17-18). Безоговорочно согласился с этим и я (см.: Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993. С. 37-39; он же. Из истории и культуры Кубани: 30 рецензий. Армавир. 1997. С. 12-13).

Разумеется, сам герой пушкинской поэмы дан совсем не таким, каким "выступает" в этом рассказе казак, и многие сцены не те. Но проглядывает все же какая-то образно-смысловая встреча, первоначальный импульс в виде впечатлений, пришедших со стороны прибрежий Кубани. Ведь есть и удивительно близкие совпадения в воспоминаниях кубанского казака и в стихах поэмы. Ну, что стоят, например, такие черты сходства повествования инвалида-казака и чернового варианта:

*Его настигнул враг летучий,
Несчастный пал на чуждый брег.
И слабого питомца нег
К горам повлек аркан могучий...*

...Попытался я с двумя своими студентками-Людмилами (Черновой и Шеретюк) проверить и хронологию легенды, увязать ее с конкретной местностью и реальными обстоятельствами. И как интересно получилось! (см.: Виноградов В. Б. Страницы истории... С. 38-39).

"Давным-давно" в устах старого казака, когда "вас никого еще на свете не было", - это конец XVIII века, скорее всего, его последнее десятилетие (А. Пушкин был самым старшим в той компании, а ему, напомним, - 21 год). Действительно, именно тогда, в 1792-1794 годах черноморские (запорожские) казаки стали селиться в низовьях Кубани. Однако еще несколько ранее "на Кубани же, выше Урупа" образовалась станица казака-рассказчика.

Многое проясняется, если знать, что примерно в 8 верстах к юго-востоку от Прочного Окопа на правом берегу Кубани в 1787 году был выстроен редут Убежный, рядом с которым поселились "станцией" донские казаки, принявшие на себя во многом охрану, оборону и "оживление" этого отрезка "кубанского кордона". Сегодня здесь раскинулась станица Убеженская. Считается, что организовалась она в 1820-х годах. Но на станичном кладбище сторожилы покажут вам надгробия, поставленные еще в 1790-х. Весьма вероятно, что в числе казачьих перепоселенцев в этих местах и был тот безымянный казак, что занимал Пушкина своими воспоминаниями. К слову сказать, пушкинский собеседник, не раз подчеркивавший свою тогдашнюю молодость, должен был быть достаточно зрелым казаком, потому что по давней казачьей традиции "в ночные секреты назначались самые опытные казаки с зорким зрением и тонким слухом" (Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия. 1996. С. 177).

Так (пусть со вполне понятной гипотетичностью) кубанские мотивы начинают звучать все более настойчиво

в связи с замыслом "Кавказского пленника". И, возможно, еще одним аргументом может служить хорошо известная гравюра С. Галактионова "Кавказский пленник", выполненная в 1824 году (см.: История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. по 1917 г. Москва. 1988. С. 175). Иллюстрация к поэме передает вид отнюдь не "четыре гор" района Кавминвод, где пребывал Пушкин в 1820 году и не суровые хребты Чечни в бассейне Терека, что грезилась ему. Сцена изображает (стилизованно и заметно наивно, лубочно) свидание горянки и русского пленника на просторной равнине, близ плетня, окружающего нехитрые черкесские постройки, на фоне близких, довольно мягких по очертанию гор, дающих жизнь живописному водопаду.

Понятно, гравюра С. Галактионова не отображает какого-то определенного места, но общий рисунок ландшафта все же существенно близок к прикубанскому. И вряд ли подобная иллюстрация к поэме не была одобрена самим поэтом.

"...ЛЮБОВАЛСЯ НАШИМИ КАЗАКАМИ"

Сама же казачья тема предстала перед А. С. Пушкиным раньше его знакомства с убеженским (как я считаю) инвалидом-казаком.

Первое упоминание о казаке в творчестве Пушкина появилось, как известно, уже в юношеском стихотворении 1814 г. "Казак", основанном на фольклорно-литературной традиции (см.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Л. 1986. С. 26). Путешествие на Северный Кавказ 1820 года привело поэта на нахичеванский базар в низовьях Дона, близ Ростова. Как и многие очевидцы XIX века он не преминул оттенить многоязыкость, пестроту и разнохарактерность местного населения, олицетворенного "ярморочным" скопищем людей:

*Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,*

*Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс и хитрый армянин...*

Не подумаем даже пенять поэту за подобные хлесткие характеристики: он воспроизводил расхожие обыденные оценки своего времени (не лишённые и предрассудков!), демонстрируя, вместе с тем, недюжинную осведомлённость и ироничность. В других случаях тональность коренным образом менялась, но понимание многоликости обитателей наших мест присутствовало всегда, как и четкое осознание генеральной принадлежности Кубани, Северного Кавказа к казачьим землям Юга России.

Последний аспект уже затрагивался в специальной литературе (см.: Белецкая Е. М. А. С. Пушкин и казачество // Владикавказские Пушкинские чтения. Вып. 1. Владикавказ. 1993. С. 51-61), в том числе и моими ученицами из числа студенток Армавирского госпединститута и его Славянского филиала (см.: Кулинич А. А. "...Почто же не спас от неверной жены?" (Отрывок из путевых записок А. С. Пушкина, не вошедший в "Путешествие в Арзрум", и параллели ему в русской литературе) // Кубань в истории России. Часть 1. Археология и краеведение Кубани. Тезисы докладов. Краснодар. 1997. С. 17-19; Королева А. С. Пушкин о линейцах Кубани // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир-Железноводск: 1998. С. 26-27; Коваленко Ю. С. Пушкинский Северный Кавказ // Археология, этнография и краеведение Кубани. Тезисы докладов VII межвузовской конференции. Армавир-Краснодар. 1999. С. 37-38).

Не раз касался его и я сам. Но именно сейчас уместно обобщить все соответствующие факты и материалы.

В эпилоге "Кавказского пленника" (1821) речь идет о том, что Муза Пушкина "к пределам Азии летала и для венка себе срывала Кавказа дикие цветы". Она "любила бранные станицы, тревоги смелых казаков, курганы, тихие гробницы, и шум, и ржанье табунов..."

Создает Пушкин и образы сторожевых казаков в конце поэмы, в "Черкесской песне". Примечательно, что "казак усталый" этой песни отличается от образа, который возник у пленника: "Он ждет, не крадется ль казак, ночных аулов разоритель, рабов отважный избавитель..." Двойственность образа объясняется сочетанием представлений о казаках жителей аула и их пленника, ожидающего освобождение" (Белецкая Е. М. А. С. Пушкин и казачество. С. 55).

Поэт сам засвидетельствовал: "Сцена моей поэмы должна была находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глубоких ущельях Кавказа...". Однако "я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца", то есть действие перенесено в предгорное Пятигорье и Прикубанье, где и в самом деле не раз томились в черкесских и абазинских аулах русские пленники, подобные А. И. Кречетову, с 1811 по 1853 год проведенному в Закубанье, в "Жантемировом ауле" на р. Тегень и Уруп (см.: Судьбы кавказских пленников. Документы. Сост. Е. С. Тютюнина. Армавир-Нальчик. 1998. Док. № 21-22).

Подобная трансформация замысла, как представляется, - прямое следствие пушкинского посещения Кубани, непосредственного знакомства с местным казачеством и соседями, крайне заинтересовавшими его и как поэта, и как не по годам вдумчивого этнографа.

К сожалению, до нас не дошли путевые записки и заметки, которые (судя по пушкинскому обыкновению) велись и в 1820 году. На их наличие прямо указывают строки из письма брату Льву Сергеевичу ("Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков - теперь пока не скажу об этом ни слова"), выдающие умение квалифицированно различать эти два казачьих массива, освоивших, оживлявших уже тогда берега Кубани.

В том же письме читаем и нечто конкретное: "Видел я берега Кубани и сторожевые станицы - любовался нашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться, в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан... Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению..."

Прекрасное понимание тревожности местной ситуации отмечено Пушкиными и в другом письме: "Кубань - граница, на ней карантин. И строго запрещается казакам переезжать...", чтобы не привносить в российские пределы те страшные эпидемии "морových болезней", которые свирепствовали нередко в среде туземцев. Оставил он и поэтическую картину "горских" стремительных рейдов-набегов за добычей:

*...И дикие питомцы брани
Рекою хлынули с холмов
И скачут по брегам Кубани
Сбирать насильственные дани...*

Рядом с этим, говоря о содержании своего "Кавказского пленника", Пушкин писал: "Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести". Притом автор, понимающий всю сложность обстановки в Закубанье, отнюдь не стремится драматизировать ее в глазах читателей. Он не дает оснований разыгаться тому самому "мечтательному воображению", о котором писал брату. Как справедливо подчеркивает современный исследователь А. С. Пушкина, "несмотря на звон клинков и запах пороха, обстановка в поэме сугубо мирная. Она и начинается так:

*В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят...*

Они вспоминают о прошлых набегах, разоренных селах и ласках чернооких пленниц. Их беседы текут в тишине. Захват пленника - это не организованный набег, а удачливость аркана одиночки" (Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Изд. 2-е, доп. Орджоникидзе. 1987. С. 47-48).

А. С. Пушкин, пристально и отнюдь не враждебно вглядываясь в повседневный быт горцев, впервые ввел в русский литературный язык (и дал, там где надо свои пояснения!) новые иноязычные слова, широко употреблявшиеся на Кавказе - аул, уздень ("начальник или князь"), "шашка, черкесская сабля", сакля, кумыс, "чихирь, красное грузинское вино", кунак ("приятель, знакомый"), "байран, или байрам, праздник разговения. Рамазан, "мусульманский пост" и т. п. Не все его пояснения точны, но само стремление дать их, пояснить далекому от местных нравов читателю, что "черкесы, как и все дикие народы, отличаются пред нами гостеприимством. Гость становится для них священной особой. Предать его или не защитить почитается меж ними за величайшее бесчестье. Кунак отвечает жизнью за вашу безопасность, с ним вы можете углубиться в самую середину черкесских гор". Обратите внимание: "за вашу безопасность", "с ним вы можете"... Обычаи куначества и гостеприимства распространялись на то русское население, включая кубанское и иное казачество, которое было связано с конкретным "племенем", аулом, фамилией, отдельным черкесом, наконец, дружелюбными мирными отношениями.

В стихах поэмы это выглядит так:

*Когда же с мирною семьей
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастною порой,
И тлеют угли в пепелище;*

*И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня, -
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встает
И гостю в чаше благовонной
Чихирь отраднй подает.
Под влажной буркой, в сакле дымной,
Вкушает путник мирный сон.
И утром оставляет он
Ночлега кров гостеприимный...*

Пройдет около десятка лет и, случайно перечитав на постоялом дворе селения Ларс (Военно-Грузинская дорога) свою почти юношескую поэму, Александр Пушкин записал в путевом дневнике: "Все это слабо, молодо, нелепо, но многое угадано и выражено верно..." Строгая, но точная самооценка!

К числу таких смелых и вроде даже неожиданных провидений можно отнести и "Черкесскую песню" во второй части (ближе к концу) поэмы. Ее распевают горские девушки, заочно обращаясь к кубанским линейным казакам, которых они настойчиво предостерегают от угрозы залетного в этих местах "чеченца", или хотят внушить непричастность своих собственных мужчин к скоропоследующим опасностям (прием, повсеместно известный в этнографии "младенческих" народов):

1

*В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.*

2

*Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.*

3

*На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы:
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские девицы.
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.*

В опубликованном тексте была отброшена последняя строфа:

*Пастух с волынкой полевой
На влажный берег стадо гонит,
Его палит полдневный зной
И тихий сон невольно клонит.
Он спит, а с верною стрелой
Чеченец ходит за рекой.*

А вся вместе "Черкесская песня" это превосходный образчик так называемой "этнографической поэзии". И вряд ли был прав маститый пушкинист Г. А. Гуковский, когда писал о ней: "Это - прекрасное стихотворение, но как черкесская песня она просто не удалась. Пушкин еще не умеет схватывать признаки чужого стиля, мысли, чувства, слова, жизни... В песне говорится, собственно, больше всего о казаке, и песня в основном русского стиля, отчасти книжного, отчасти фольклорного... Это, конечно, русская песня". По его мысли, "Черкесская песня" Пушкину "не удалась" (Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М. 1965. С. 282-288).

Нет, здесь, по-моему, совсем другое!

Надо быть Пушкиным, чтобы представить быт и культуру казаков посредством знаний о них горянок и передать увиденное, понятое через слова девичьей черкесской песни! Никто, если не ошибаюсь, не оценил этого факта в должной мере, как и написанный спустя 9 лет, уже после второй поездки на Кавказ, план поэмы "Русская девушка и черкес". В ней все должно было повернуться как бы наоборот: пленник-черкес (а таких было немало в российских станицах и крепостях потому что захваты были взаимными, ответными и т. п.) влюбился в русскую девушку-казачку и просит ее:

Полюби меня, девица!

Нет!

Что скажет вся станица?

Я с другим обручена...

Твой жених теперь далече...

И хотя этот замысел остался неосуществленным, он очень выразителен в контексте исторических реалий на Кавказе и бурного развития массовой "ходульной" кавказской романтической поэмы (см.: Виноградов Б. С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. Очерки. Грозный. 1966. С. 83-99), с которой, как угадывается, Пушкин намеревался вступить в литературную полемику... Не получилось, другие творческие и житейские дела отвлекли: Болдинская осень 1830 года на время потеснила кавказские воспоминания и ассоциации (см.: Болдино. Осень 1830. М.: Планета. 1989)...

Но казачья тема не была оставлена без внимания ни в ходе второго посещения Кавказа в 1829 году, ни после него. Правда, тогда А. С. Пушкин (вопреки существующему мнению, уже опровергнутому ранее) не заезжал на Кубань. Но она сама напоминала о себе тем, что поэт в ходе своего "Путешествия в Арзрум" и на театре военных действий очередной российско-турецкой войны, постоянно встречался и общался с линейными северокавказскими и

донскими казаками и даже лично участвовал вместе с ними в боевых действиях (пусть и в качестве активного зрителя).

Отсюда в его творчестве появляется замечательное стихотворение "Делибаш":

*Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.
Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.
Эй, казак! не рвися к бою;
Делибаш на всем скаку
Срежет саблю кривою
С плеч удающую башку.
Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.*

Верный себе Пушкин в примечаниях поясняет: делибаш (турецк.) - удалый наездник, лава - конный рассыпной атакующий строй казаков. И, пожалуй, единственный раз в его поэзии "копье" и "пика" выступают синонимами, что подчеркивает именно линейно-донской характер вооружения окружающего его в Закавказье казачества.

О том же и реалистические строки автобиографической повести "Путешествие в Арзрум...": "...турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал посмотреть новую для меня картину. Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь на седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. "Много ли турков?" - спросил Семичев. "Свиньем" валят, ваше благородие, - отвечал один из них. Проехав ущелье, вдруг увидели мы

с противоположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большей дерзостью... Человек 15 наших было уже ранено... Казаки было смешались... Но подкрепление подоспело. Турки, заметив его тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах...

18 июня лагерь передвинулся на другое место. 19-го, едва турки разбудили нас, все в лагере пришло в движение... Вскоре показались делибаши и закружились в долине, перестреливаясь с казаками... Я увидел полковника Полякова, начальника казацкой артиллерии, игравшей в тот день важную роль, и с ними вместе прибыл в оставленное селение..."

Тем же событиям посвящены и пушкинские рисунки-автопортреты: на одном он в папаше, на двух других - верхом на лошади, причем в одном случае - в бурке и с пикой в руках, то есть отчасти в боевой казацкой экипировке (см.: А. С. Пушкин в портретах / Сост. Е. В. Павлова. Иллюстрации. М.: Советский художник. 1983. С. 46-51).

Весьма информативен эпизод из путевых записок 1829 года, не вошедший в окончательный текст повести. Он беспристрастно отражает одну из специфических черт семейного быта казачества (кубанско-линейного в частности).

Возвращаясь из Закавказья в сопровождении 30 линейных казаков, литератор встретил шедший им на смену казачий полк. Завязался непринужденный, откровенный и небезопасный разговор, "подпитываемый" пушкинской общительностью и стремлении понять все до конца. Вот его фрагмент, сохраняющий особенности пушкинской записи, более чем прозрачно фиксирующей супружескую неверность и особенности бытовой терминологии.

- А скажи, - прервал его молодой артиллерийский офицер, - не родила ли у тебя жена во время отсутствия?
- Ребята говорят, что нет, - отвечал урядник весело.
- А не ... без тебя?
- Помаленьку, слышно...
- Что же, побьешь ты ее за это?
- А зачем ее бить? Разве я безгрешен?
- Справедливо, а у тебя, брат, - спросил я у другого казака, - так ли честна хозяйка, как у урядника?
- Моя родила, - отвечал он, стараясь скрыть свою досаду.
- А кого бог дал?
- Сына.
- Что ж, брат, побьешь ее?
- Да посмотрю, коли на зиму сена припасла, так и прощу, коли нет, так побью.
- И дело, - подхватил товарищ, - побьешь да и будешь горевать, как старик Черкасов, смолоду был он дюж и горяч, случился с ним тот же грех, как и с тобой, поколотил он хозяйку, так она после того 30 лет жила калеккой. С сыном случилась та же беда, и тот было стал колотить молодицу, а старик ему: "Слушай, Иван, оставь ее, посмотри-ка на мать, и я смолоду поколотил ее за то же, да и жизни не рад". Так и ты, - жену-то прости, а ... посылай чаще по дождю".
- Ладно, ладно, посмотрим, - отвечал казак уряднику.
- А в самом деле, - спросил я, - что ты сделаешь с ...?
- Да что с ним сделаешь? Корми да отвечай за него как за родного.
- Сердит, - шепнул мне урядник, - теперь жена не смей показаться ему: прибьет до смерти".
- Тут же Пушкин делает попытку объяснить подобную "простоту нравов" тем, что у казаков принято рано отдавать девушек замуж ("лет четырнадцати"), хотя это лишь одна из возможных причин (тяжелый, практически мужс-

кой труд по хозяйству, одиночество из-за постоянного отсутствия мужей, риск навсегда остаться одной, наконец, южный темперамент и т. д.).

Вполне "этнографичен" и финал разговора: - "Слишком рано женят, муж не сладит с женою. - Свекор, если добр, так поможет - вот у нас старик Суслов женил сына, да и сделал себе внука." Обычное дело!

Параллели этому сюжету, между прочим, есть у другого поэта, побывавшего на Кубани, в станице Прочноокопской в том же 1829 году, - Александра Полежаева (см.: Фастовцева Ю. В. Черты кубанской этнографии в одном из стихотворений А. И. Полежаева // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VI краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции, Армавир-Краснодар. 1998. С. 19). Описывая уход молодого казака-линейца на войну в стихотворении "Казак", он сообщает массу этнографических сведений. Сцена прощания с женой полна скрытого смысла ("...жене молодой - с таинственной бурей таинственный взор, и брови на шапку - вине приговор...").

И вот герой возвращается домой на побывку.

*...Он крадется к дому глухою тропой,
Он милым готовит внезапный привет.
В душе его мрачного чувства нет.
Он прямо в светлицу к жене молодой -
И кто же там с нею?.. Казак холостой!
Взирает обманутый муж на жену
И слышет в руке и душе сатану:
"Губи лицемерку - она неверна!"
Но вскоре рассудком изнан сатана...*

Совсем нетрудно отыскать столь популярный сюжет и в фольклоре южнороссийского казачества... Но не в том суть!

Этот случай, как и вышеприведенные примеры пушкинского знакомства, знания казачества, позволяют при-

числить гениального литератора к числу первых этнографов, глубоко проникавших в психологию, особенности происхождения, культуры и быта казаков.

И еще одно - ранее почти незамеченное пушкинистами в связи с Кубанью.

В задуманной поэме "Братья-разбойники" поэт обратился к образам казаков под свежим впечатлением услышанных на Юге России разинских песен. Сам Пушкин в письме к брату называл Степана Разина "единственным поэтическим лицом русской истории". Он написал три песни об этом герое, а за год до своей смерти перевел на французский язык несколько фольклорных песен о Разине (см.: Белецкая Е. М. А. С. Пушкин и казачество. С. 55-57).

В сохранившемся отрывке поэмы "Братья-разбойники" в шайке удальцов "...зрится беглец с берегов воинственного Дона". Но ведь далеко не все знают, что само "прозвище Кубанские казаки появляется в конце XVII века. Так именовались обосновавшиеся за турецкой границей на Кубани, сторонники Степана Разина, которые кроме старой веры, унесли с собой с Дона разинский дух вражды к Москве и ее донским сторонникам" (Казачий словарь-справочник. Т. 2. / Сост. Г. В. Губарев. Сан Ансельмо, Калифорния. США. 1968. С. 95-96).

...И впоследствии интерес А. С. Пушкина к кубанским казакам сливался с его интересом к казачье-крестьянским восстаниям, который, в частности, привел литератора к созданию "Истории Пугачева". В ней не раз явно проглядывают кубанские отголоски. Так, Пугачев характеризуется "человеком, поколебавшим государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов...". Готовя свое вооруженное выступление, "он подговаривал некоторых казаков, поселенных под Таганрогом, бежать на Кубань", а "окруженный отовсюду войсками правительства, не доверяя своим помощникам" Пугачев "уже думал

о своем спасении; цель его была: пробраться за Кубань или в Персию..."

Незадолго до трагической кончины Кубань вновь ворвалась в судьбу Александра Сергеевича. В журнале "Современник" при содействии и с послесловием его были опубликованы повесть и очерк кавказского автора (ногайца, как теперь установлено) Султана Казы-Гирея (1807-1863). Пушкин-издатель с искренним волнением писал: "Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно... Как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой думою смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения..."

Многое в этой характеристике становится понятным с учетом установленных наукой фактов: семейные владения землей располагались у Султана Казы-Гирея на Кубани, в низовьях ее притока р. Уруп, вблизи российской крепости Прочный Окоп. А сам он дослужился до чина генерал-майора, командуя Кубанским линейным казачьим полком и имея свой штаб в станице Прочноокопской (см.: Керейтов Р. Х. Султан Казы-Гирей и его жизнь // Половецкая луна. № 1. Черкесск. 1991. С. 37-42; Виноградов В. Б. "Сын Кавказа - в рядах писателей..." // В кн.: Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993. С. 48-53; Алиева С. И. Топонимия ногайцев на Кубани. Армавир: АГПИ. 1996. С. 23).

Таким долгим и причудливым оказывается "казачий след" в биографии и творчестве А. С. Пушкина, связанных с Кубанскими берегами, на всю жизнь запомнившимися классику русской литературы.

“ВАША СЛАВА ПРИНАДЛЕЖИТ РОССИИ...”

Среди современников А. С. Пушкина, вызывавших его неподдельный пожизненный интерес, особое место занимал генерал Алексей Петрович Ермолов (1777-1861) - герой Отечественной войны 1812 года и последующих европейских походов, командующий Отдельным Кавказским корпусом и управляющий по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Ермолов, сыгравший выдающуюся роль в российском обустройстве Северного Кавказа, в том числе и Кубани, уже при жизни превратился в легенду (см.: Клычников Ю.Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе. 1816-1827 гг. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар. 1998; там же и библиография). В своем богатом творчестве Александр Сергеевич не раз обращался как к личности этого полководца, политика, дипломата, так и к его деяниям, оценивая их на протяжении своего знакомства с Кавказом далеко не однозначно (см.: Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. Взгляды А. С. Пушкина на Северо-Кавказскую деятельность А. П. Ермолова // А. С. Пушкин, Кавказ, современность. Пушкинские чтения на Кавминводах. Тезисы докладов и сообщений. Пятигорск. 1998. С. 2-3).

Между тем, сам А. П. Ермолов, исполняя рескрипт императора Александра I от 6 апреля 1816 года, спустя полгода, прибыл на Кавказ, и уже в 1817 году совершил обстоятельную инспекционную поездку на Кубань. Позднее, в “записках 1798-1826 годов”, генерал вспомнит: “двадцать лет назад проезжал я уже Кавказскую линию, будучи капитаном артиллерии в молодых весьма летах и служа под начальством генерал-аншефа Зубова, который с корпусом войск действовал против персиян в 1796 году” (Записки А. П. Ермолова. 1798-1826. М.: Высшая школа. 1991. С. 270). Едва ли не основную силу корпуса графа В. Зубова составляли тогда “новорожденные” кубанские

казаки. (см.: Виноградов Б. В. Кавказ в политике Павла I / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар. 1997. С. 14-17).

Разумеется, строгий генерал-инспектор даже не подозревал, что через каких-то три года здесь проедет молодой Пушкин, о поэтическом таланте которого он вряд ли тогда вообще что-либо знал. Однако, исполняя нелегкие свои обязанности, А. П. Ермолов придирчиво и справедливо реформировал сам характер несения боевой службы "поселенных на линии казаков", предельно критично оценил запущенное, жалкое состояние российских крепостей на Средней Кубани, таких как Усть-Лабинская, Кавказская и других. Не удовлетворил его и осмотр Прочного Окопа - "небольшого укрепления, лежащего против мало-мало сильных кубанских народов и в худом весьма состоянии обретающегося". К тому же еще "1817 год примечателен был необыкновенным разливом вод, которые произвели величайшие опустошения в поселениях казаков Кубани" (Записки А. П. Ермолова. С. 296). Сильно пострадала тогда и станица Прочноокопская, лажавшая в пойме реки, у подножья одноименной крепости (см.: Виноградов В. Б. Из истории Старой Станицы - Прочноокопской. Армавир. 1994. С. 6-10). "Во время разлития Кубань наполняла ее водой и через окна входила в жилища. Болезни и смертность превосходили вероятие...", - писал А. П. Ермолов.

Генерал был скор и решителен в своих действиях. Крепость подверглась расширению с усилением фортификации и гарнизона. За ее валами, к северу, быстро стал оформляться солдатско-офицерский поселок (слобода) Форштадт. Станица Прочноокопская была перемещена на высокий, сухой правый берег Кубани на 4 километра вниз по реке - туда, где находится и поныне. А на ее старом месте, в окружающих пойменных лесных чащобах, А. П. Ермолов распорядился прорубить от самого крепостного спуска широкую просеку к реке (где находились опасные

броды, использовавшиеся горскими "набежчиками"). Она стала именоваться "Ермоловской" и располагалась примерно там, где сейчас находится в Старой Станице (пригород Армавира) улица Ставропольская.

Плоды всех этих реорганизаций и инициатив увидел своими глазами и по достоинству оценил А. С. Пушкин, проезжая в конце лета 1820 года по следам властительного генерала. Впрочем, аналогичные впечатления в связи с энергичной деятельностью А. П. Ермолова постоянно преследовали тогда восторженного, наблюдательного юношу. Притом первые оценки поэта, посетившего Кавказские воды и Кубань, отличались слепым преклонением, беспредельным восторгом.

"Кавказский край, знойная граница Азии, - любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы, древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои излишни. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносящая существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградой в будущих войнах", - писал А. С. Пушкин брату-Льву из Кишенева 24 сентября 1820 года.

Это - удивительный документ эпохи, в котором молодому Пушкину удалось смело подняться до очень высокого уровня геополитического анализа и оценки деяний "проконсула Кавказа" (так порой именовали современники генерала А. П. Ермолова к его нескрываемому удовольствию)!

Но стоит перечитать и куда более осторожные строки другого (соседнего по времени написания) письма тому же адресату: "...Ехал в виду неприязненных полей свободных горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем. Хотя черкесы ныне довольно смирны, но нельзя на них

положиться; в надежде большого выкупа они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан..."

Если даже последние фразы не относятся собственно к генералу А. П. Ермолову (хотя в Чечне, например, исторически засвидетельствованы попытки захватить его в плен из засады), а передают ситуацию с "вояжем" семьи генерала Н. Н. Раевского, с которой путешествует Пушкин, они далеки от безоговорочной тональности умиротворения и благодушия.

Недаром же так восхвалительно воинственно, неотвратимо наступательно звучит вторая часть "Эпилога" к "Кавказскому пленнику", написанному по свежим воспоминаниям и оценкам:

*И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Поднялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с яростным челом
Явился пылкий Цицианов.
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа!
Куда не мчался ты грозой -
Твой бег, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...
Но се - Восток подьѐмлет вoй!..*

*Поникни снежною главой,
Смирись Кавказ: идет Ермолов!*

"Юношеским увлечением насилием" называет это один из наиболее пронизательных исследователей Пушкина (см.: Федотов Г. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX - первая половина XX века. М.: Книга. 1990. С. 359). А пушкинский друг - поэт, критик, государственный и общественный деятель А. П. Вяземский - в письме к А. И. Тургеневу (1822 год) упрекнул поэта в "славословии резни": "Я написал кое-что о "Кавказском пленнике". Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей поэмы. Что за герои Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он

*Как черная зараза
Губил, ничтожил племена?*

От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы просвещали бы наши племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей, политике они могут быть нужны, и тогда суду истории предстоит решить можно ли ее оправдать или нет, но гимны поэта не должны быть никогда славословием резни. Мне досадно за Пушкина - такой восторг - настоящий анахронизм" (Переписка А. С. Пушкина. М. 1982. С. 155-156).

Справедливости ради отмечу, что собственно "последние стихи" поэмы вроде бы как раз и не "окровавлены" восхваление российского генералитета. Но и их подспудный смысл достаточно жесток.

*...И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас ваша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!*

*Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет спутник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.*

Так видятся молодому Пушкину кавказские перспективы в связи с приходом сюда А. П. Ермолова. Так мнится ему будущее, рождаемое на его глазах... В этом мрачном по сути прогнозе "смирение" Кавказа - "завоеванной стороны" (воплощение трудов "благотворного гения Ермолова") выглядит как полное поражение горцев, их физическая "казнь", фактическое опустошение их ущелий... Нереальность его доказана всем ходом последующей истории, вплоть до наших дней... Вскоре осознал это и сам Пушкин!

Но для понимания сущности эволюции пушкинского восприятия А. П. Ермолова важно сознавать, что поэт-романтик, впервые соприкоснувшись с Кавказом, в 1820-1821 годах видел только "внешнюю", российскую сторону событий и всячески оправдывал ее. А. П. Ермолов, ожесточенно решавший проблемы "подвластности" Кавказа, был известен в пушкинском кругу, как прогрессивный генерал, герой войны с Наполеоном. Эту оценку Ермолова, говорившего о себе: "Никогда не разлучно со мною чувство, что я россиянин", А. С. Пушкин переносил сперва и на его кавказскую деятельность.

Однако постепенно (но верно!) Пушкин-романтик превращается в Пушкина-реалиста. Он глубоко изучает историю и начинает судить "деятелей все более исторично, уходя от односторонних восхвалений или обвинений", стремясь к объективности и пытаясь понять истинную суть "механизма истории" (см.: Эйдельман Н. Я. Быть может

за хребтом Кавказа... М.: Наука. 1990. С. 176-197). Меняются взгляды поэта и на достижения Ермолова на Кавказе. В 1829 году, направляясь в действующую армию И. Ф. Паскевича (нового "наместника Кавказа"), он уже не рассуждает о "благодетельном гении" отставного генерала, которого он не преминул посетить по пути на Кавказ, а пытливым взглядом подмечает то, что раньше либо не видел, либо не смог осознать, прочувствовать.

Какая же картина предстала перед зрелым Пушкиным во время его поездки в Арзрум, какие изменения он обнаружил через девять лет после первого посещения Кавказа?

Напомню, что вторая поездка на Кавказ начинается с упоминания автором, что по пути на юг он поехал в Калугу, Белов и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато повидался с А. П. Ермоловым в его имении ("деревне").

Опальный генерал показался ему не похожим на свои парадные портреты, и улыбался он неприятно-неестественно. А вот задумывался и хмурился прекрасно! А. П. Ермолов язвителен в разговоре о Паскевиче (своем приемнике на Кавказе), увлеченно говорит о Курбском и его противостоянии Ивану Грозному, недоволен трактовкой истории Карамзиным... "Досталось немцам..."

Все это было понятным и ничем не поразило поэта. Но в целом, в этом образе человека с "головой тигра на Геркулесовом торсе" А. С. Пушкин, как представляется, не нашел обаяния. Это отразилось и в его рисунке А. П. Ермолова, данном в своей рукописи (см.: Записки А. П. Ермолова. С. 426). В нем нет и следа почтительного любования недавно еще суровым и импозантным военачальником...

И, наконец, в заключение сцены встречи с Ермоловым - два штриха, весьма не выгодных для генерала. Этот вольнолюбец, просвященный человек, "свой для декаб-

ристов", не помнит, "извиняясь комплиментами", полного имени своего собеседника, а "о стихах Грибоедова (недавнего сослуживца и друга, - В. В.) говорит он, что от их чтения - скулы болят". Совершенно очевидно, что общие впечатления А. С. Пушкина далеки от идиллии.

...Приезд поэта на Северный Кавказ погрузил его в мир воспоминаний, ассоциаций, сопоставлений.

Значительно благоустроились стараниями А. П. Ермолова целебные воды. В 1820 году "источники большей частью в первобытном состоянии били, дымились и стекали с гор по различным направлениям, оставляя после себя белые и красные следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки...", "ванны находились в лачужках, наскоро построенных..." Теперь же иное дело: "выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем, на стенах ванн прибиты предписания от полиции, везде порядок, чистота, красивость..." И это - заслуга А. П. Ермолова, целенаправленно преобразившего Кавминводы, превратившего их в истинный курорт, здравницу для офицеров и солдат Отдельного Кавказского корпуса, для всей России (см.: Кавказские минеральные воды. М.: Слово. 1994; История Ставропольского края с древнейших времен до 1917 года. Под ред. В. П. Невской. Ставрополь. 1996. С. 132-136). Нет преувеличения в словах современного исследователя: "Хотя официально курорты были основаны по указу Александра I от 24 апреля 1803 г., но по существу развиваться они начали лишь в годы управления Кавказом А. П. Ермолова" (Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова... С. 14). В другом месте, по поводу преодоления Кавказского хребта отмечено: "Мы достигли самой вершины горы. Здесь

поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым". Все это - следы доброй памяти...

Но северокавказские дороги по-прежнему небезопасны, и путешественники, как и раньше, вынуждены комплектоваться в "оказии", пользоваться защитой конвоя, усиленного пушкой. Местные тыловые крепости, разбросанные от Кубани до Терека, не производят впечатления укреплений, предназначенных для отражения грозных внешних нашествий: так, напоминание об опасностях набегов. Александр Сергеевич не без иронии описывает их фортификационные "достоинства": "Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с ржавыми пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лавочек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока..."

Между тем, среди достопримечательностей, на которые путешественник обращает свой взор (живописные ландшафты, дорога, курганы, старинные развалины и памятники), он видит и "пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе". И это тоже традиционная часть кавказских реалий, с которой беспощадно (но малоэффективно) боролся Ермолов все годы своего "главноначалия" здесь.

Конечно же общий, наблюдаемый результат 10-летней деятельности генерала был далек от ожидаемого. Больше того, он - просто неутешителен.

А. С. Пушкин констатирует: "Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их с привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам". Час от часу... Вспом-

ните: девять лет назад показалось, что "дороги становятся час от часу безопаснее"... А теперь?

"Наместник" Кавказа добился того, что "дух дикого их (черкесов) рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, за-видя пушку". Но! "Зато никогда не пропустят случая на-пасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой об их злодействах..." Вывод напра-шивается сам.

Методы Ермолова так и не смогли поменять характер горцев, для которых "кинжал и шашка сугь члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, чем лепетать. У них убийство - простое телодвижение..." Скажу боль-ше: постоянная военная обстановка, неуступчивое стол-кновение силового "цивилизаторства" с "варварством" лишь дополнительно питали эту "ментальность". Взаим-ная борьба изнурительна, пагубна и тщетна, но усилия ее будут продолжаться долго, порождая встречное противо-действие.

Прозрение поэта в 1829 году выражено в строфе сти-хотворения "Кавказ", не вошедшей из цензурных сообра-жений в опубликованный текст:

*Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.*

Не правда ли: горькая безысходность?.. Тупик времен-но притихшей войны "горной и лесной свободы и бара-банного просвещения" (А. С. Грибоедов). Поражение ер-моловских методов покорения Кавказа... Пушкин выстра-дал нелегкое понимание этого!

Не надо, однако, думать, что великий поэт и мысли-тель России просто поменял оценку генерала с плюса на минус.

В марте-апреле 1833 года А. С. Пушкин написал письмо Алексею Петровичу. Он просил составить записки о его войнах и предлагал свои услуги в качестве издателя таковых или даже историографа. "Подвиги Ваши - достоинство Отечества; Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать..." Гениальный художник слова с годами пришел к выводу, что величие человека заключено не только в его достоинствах, но и в недостатках, не только в успехах, но и в поражениях, просчетах. И не это ли письмо стало побудительным для написания А. П. Ермоловым его "Записок"? Но писал он свои мемуары "не для печати" (см. Записки А. П. Ермолова. С. 72), да и предлагавший свою помощь Пушкин вскоре ушел из жизни.

...Последнее по времени из известных упоминаний А. С. Пушкиным Ермолова содержится в дневнике поэта 1833 года. В записи от 3 июня читаем: "...обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили о его (Киселева) правлении в Валахии. Он может самый замечательный из наших Государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана".

При всей парадоксальности этого отзыва, "он не должен казаться неожиданным и странным. В сложной личности Ермолова, как обосновывают многими аргументами специалисты, - действительно были черты хитрости, лукавства, была склонность к притворству, к двойной игре" (Саводник В. Ф., Сперанский М. Н. Комментарии к дневнику Пушкина // Дневник А. С. Пушкина 1833-1835. М. 1997. С. 544-547).

Притом в трезвом, требовательном пушкинском взгляде он остается в недлинном ряду "самых замечательных из наших Государственных людей", подвиги его - "достоинство Отечества", а слава его "принадлежит России".

В контексте этих раздумий вспоминается пушкинское стихотворение "К бюсту завоевателя", стоящее в ряду с

циклом его поэтических откликов на кавказскую тему ("Кавказ", "Обвал", "Делибаш"):

*Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
И гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин;
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.*

Спору нет, когда комментаторы относят стихотворение к бюсту Александра I работы датского скульптора Торвальдсена, поставленному в Публичной библиотеке в Петербурге. Но нет ли здесь и переклички с переоценкой образа другого "завоевателя" (Кавказа), двойственного и лицедействующего А. П. Ермолова? Разве можно исключить?!

...В 1829 году, размышляя о сложной и драматической судьбе А. С. Грибоедова, Пушкин записал: "...уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос". Лучше не скажешь!

"САМОВАР - ВАЖНОЕ НОВОВВЕДЕНИЕ..."

Однако, мало преодолеть юношеский максимализм и слепое преклонение перед военно-силовым решением кавказских проблем. Мало от романтической экзотики так называемой байронической поэмы "Кавказский пленник" прийти к жестким, но вполне объективным, справедливым словам: "...Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирного

черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено”.

Нужно было еще задаться самому прорастающим из недр возмужавшего сознания генеральным вопросом: “Что делать с таковым народом?..”; прозвучавшим в “Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года”, в его первой же главе, посвященной описанию северо-кавказского пути от Ставрополя, мимо Кубани, через “Кавказские воды”, к Владикавказу и Дарьяльскому ущелью.

Здесь необходимо учесть два важных момента. Во-первых, как тонко подмечено в пушкинистике, “у книги “Путешествие в Арзрум” во время похода 1829 года” две даты рождения. Одна вынесена в заглавие: в 1829 году Пушкин пишет “Путевые заметки”, с которых начинается история будущей книги. Другой же год выставлен на белой рукописи “Путешествия” - 1835” (Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа... С. 175).

Во-вторых, до сего дня не потерял своей злободневности спор между авторитетнейшими учеными о том, было ли в Пушкине с лицейской юности, с первых литературных опытов “заложено решительно все, что мы знаем по творчеству мастера в годы его зрелости”, или “глубокое понимание того, что все исторические события, в том числе и сегодняшние, находятся в сложном сцеплении и обусловлены факторами, уходящими в глубь веков, пришло к поэту не сразу, только с 1830-х гг.” (сравните: Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л.: Советский писатель. 1986; Томашевский Б. В. Пушкин. М.-Л.: 1961. Т. II. С. 291-349; Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М.: Родикс. 1995. С. 50).

Вслед за А. А. Формозовым скажу, что вторая из точек зрения представляется более убедительной. Именно она позволяет объяснить существенную, даже решающую эволюцию пушкинских взглядов на кавказскую действительность и ее перспективы (см.: Айрапетов О. Р. Взгляды А.

С. Пушкина на восточную политику России XVIII - начала XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История № 12. С. 64-72; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII - первая четверть XIX в.). Армавир-Грозный. 1996. С. 37-54).

Опубликованное в 1836 году на страницах "Современника", "Путешествие в Арзрум" было встречено реакционной "Северной пчелой" такой репликой: "Кавказ, Азия и война. Уже в этих трех словах поэзия, а "Путешествие в Арзрум" есть ничто иное как холодные записки, в которых нет и следа поэзии" (цит. по: Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. С. 53).

Но "поэзия" такого рода уже не привлекала поэта. Он слишком многое повидал, передумал, осознал. Достаточно сослаться на строки повести, предшествующие его собственной программе умиротворения Кавказа. "Почти нет никакого способа их (горцев) усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ними наследственных распрей и мщениа крови..." Это пишет не только знаток "черкесской" этнопсихологической специфики, но и мудрый провидец. Как раз неуклюжие попытки царской администрации добиться мира в Чечне путем изъятия оружия у горцев и послужили веским доводом для мощного восстания 1840 года, повлекшего за собой вступления большей части чеченцев в имамат Шамиля" (см.: Магомадова Т. С. Начало "блистательной эпохи Шамиля" (восстание 1840 г. в Чечне) // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Тезисы докладов. Махачкала. 1989. С. 41-43)...

Так что же все-таки "делать с таковым народом?"

В поисках собственного ответа Александр Сергеевич в разгар очередной российско-турецкой войны обращает

свой взор прежде всего на Кубанские и Черноморские берега: "Должно однако ж надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться". Это весьма трезвая мысль, питаемая реальностями эпохи, когда за спиной слабеющей Османской Порты все гуще гнездились воинственно-агрессивные антироссийские силы (Англия, Франция, польские, венгерские и другие европейские революционеры и авантюристы), провозглашавшие, что "черкесский вопрос - это вопрос, по которому можно напасть на Россию" (см.: Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственных интересов России. Научные чтения. Ростов-на-Дону. 1998).

Весьма знаменательна следующая позиция пушкинской программы: "Влияние роскоши может благоприятствовать их (горцев) укрощению..."

В качестве своеобразного комментария к ней приведу важный фрагмент записки адмирала Н. С. Мордвинова ("Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия"), написанной и представленной имперским властям в 1816 году в качестве альтернативы плану "покорения Кавказа" А. П. Ермолова.

"Народы кавказские, огражденные твердо быстрыми потоками вод, утесами гор, ущельями неприступными..., останутся навсегда в вольной независимости, доколе сохранят свои нравы, обычаи, доколе довольны будут дарами единая природы, и внутри домов своих находить будут все, что умеренным и обыкновенно при диком состоянии малочисленным желанием удовлетворять избыточно.

Таковых народов оружием покорить невозможно... Число войск... и превосходство в военном искусстве не оградят с безопасностью от временных их нападений.

Часто будут они удачны, всегда вредны соседним мирным селениям".

Исходя из факта низкого уровня экономического развития народов и невозможности решения местных проблем "ядрами и штыками, коими только вечную вражду питать возможно", адмирал сформулировал основные принципы своего проекта: "Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному состоянию, должно приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать, должно увеличить число вещей им потребных; возродить в них новые желания, новые надежды, новые привычки; должно ознакомить их с нашими обычаями, нашими услаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством; сблизить их с нашими понятиями, вкусами, нуждами и требованием от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий" (см.: Архив графов Мордвиновых. Т. 5. Спб. 1902. С. 149-154).

Не правда ли, своеобразная "роскошь" подразумевается обоими искателями мирных путей российско-кавказского объединения?!

Отдельной строкой А. С. Пушкин выделяет идею вроде бы уж и вовсе ничтожную: "самовар был бы важным нововведением". Но это не наивность, не легкомысленный пустячок! Самовар в повседневном быту предполагает долгие неторопливые разговоры, беседы, когда люди могли лучше понять друг друга. Застолья с чаепитиями питали не одну дружбу между русскими людьми и горцами...

Но, однако, "есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедование Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущав-

ший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре..."

Вновь видна серьезная историческая информированность А. С. Пушкина, допустившего в этом отрывке лишь единственную крупную неточность: чеченец Ушурма (Шейх-Мансур), много сделавший для разжигания в Закубанье антироссийских настроений, был действительно взят в плен в турецкой крепости Анапа в 1791 году, но скончался он в Шлиссельбургской крепости, а не на Соловках.

Идея же проповедования Евангелия среди горцев - неофитов ислама - буквально витала в воздухе среди части российской общественности. Она была присуща кавказским проектам Н. С. Мордвинова, Н. Н. Раевского, А. С. Грибоедова (подробнее см.: Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России. С. 13-54) и заражала мыслящую часть офицерства Отдельного Кавказского корпуса, так же как и видных представителей российской ориентации среди самих кавказцев.

Вот строки из переписки 1823 года адыгского писателя Султана Крым-Гирея с командующим войсками на Кубани "генерал-майором и кавалером" (то есть орденоносцем) Власовым I-м: "...Если просвещение и христианство существуют в Российском государстве, то соседствующие народы наверно будут введены в оное; и тогда только могут быть ввержены в забвение все предслучившиеся вражды и благодарное миролюбие впоследствии во славу Бога, умягчителя сердец воинов" (цит. по.: Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. С. 42).

Притом А. С. Пушкин утверждает: "Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты".

Здесь гениальный поэт и мыслитель впадает в ненужный полемический азарт. Хорошо известны случаи, когда в горах Приэльбрусья, Осетии, Ингушетии самозабвенно трудились христианские проповедники, часто рискуя своими жизнями (см.: Гедеон Митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск: 1992. С. 63-109). И в кавказском дневнике молодого Л. Н. Толстого под 15 октября 1853 года сделана запись: "...На Кавказе существует малоизвестная миссия, состоящая из 8 священников (русских), проповедующих Евангелие... различным племенам горцев... Миссионеры ходят пешком по едва проходимым тропинкам и пробывают иногда по 5 и более лет" (см.: Л. Н. Толстой на Кавказе в записях современников / Сост. Б. С. Виноградов. Грозный. 1961. С. 73). Так что миссионерское подвижничество вовсе не исключалось из практики!

Однако и оно было бессильно в условиях непрекращающихся военных действий и наступательного победного натиска ислама.

Вот отчего при всем своем гуманизме и человеколюбию замыслы А. С. Пушкина по изменению Кавказа были в конкретных условиях утопичны, несбыточны, не могли превратиться в жизнь. Это, впрочем, не мешает нам - далеким уже потомкам пушкинской поры - с признательностью обращаться к ним как к тем истокам, которые позволили великому поэту Дагестана Расулу Гамзатову извлечь из глубин сердца чеканные строки:

*Не Русь Ермолова нас покорила,
Нас покорила Пушкинская Русь...*

“ОКОЛО СТАНИЦ КУБАНИ...”

С “Путешествием в Арзрум во время похода 1829 года” генетически связана неоконченная поэма Александра Сергеевича Пушкина, получившая название “Тазит” (по

имени главного героя - трудолюбивого, мирного горца с христианским мировоззрением). Проект этот сплотил в себе пушкинские впечатления от обеих поездок на Кавказ, в которых Кубань так или иначе занимала не последнее место (см.: Канивецкий Н. Кубанская область в произведениях А. С. Пушкина; Виноградов В. Б., Королева А. А. Кубанские мотивы в пушкинской поэме "Тазит" // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VI краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Армавир-Краснодар. 1998. С. 17-19).

Поэма "Тазит" прочно привлекает внимание пушкинистов, и ей посвящены многочисленные труды весьма компетентных исследователей, у которых по большому числу затрагиваемых вопросов нет единых взглядов (см. об этом: Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Изд. 2-е, доп. Орджоникидзе: Ир. 1987. С. 47-67; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII - первая треть XIX века). Армавир-Грозный. 1996. С. 44-54). Это тем более естественно, что поэма неокончена, а замысел ее, план неоднократно видоизменялся.

Однако даже дошедшие до нас варианты и уже написанные фрагменты несут в себе признаки глубокого драматизма, стремительно нарастающего в ней.

Профессор Л. П. Семенов так суммировал мнения о содержании поэмы: "В основу ее положена идея столкновения со старинными адатами (обычным правом горцев) христианства, проникавшего в горскую среду в связи с колонизацией Кавказа...

Старик Гасуб, черкес ("адех"), живет по заветам старины. Его сын убит близ Татартупа, священного места, и эта смерть должна быть отомщена. Он возлагает свои надежды на второго сына, воспитанного среди чеченцев, - Тазита. Тазит должен быть опорой его старости, но не

оправдывает надежд отца - не выполняет его велений, равнодушен к воинской славе, не мстит убийце брата, жалея виновного: "Убийца был один, изранен, безоружен". Отец проклинает его за трусость и изгоняет. Тазит возвращается в близкую ему среду, в которой он прожил, находясь на воспитании тринадцать лет. Здесь он вновь видится с любимой девушкой, на которой он хотел бы жениться.

На этом поэма обрывается. В планах упоминаются еще: черкес-христианин, миссионер (монах, священник), война (битва, сражение), смерть (вероятно Тазита). По-видимому, развязка должна быть трагичной" (Семенов Л. П. Пушкин на Кавказе. С. 88-89).

Б. С. Виноградов, выстраивая свое понимание этно-социальной сути конфликта, обращает особое внимание на одну внешне малопримечательную деталь: "Тазит обращается к отцу невесты (после изгнания Гасубом) с просьбой взять его в их семью. "Я могуч и молод, - говорит он. - Мне труд легок..." В том виде, в котором неоконченная поэма дошла до нас, она показывает моральную победу Тазита над "идеалами" Гасуба - кровничество, атакчество, набеги на соседние народы с целью грабежа, работорговля... Пушкин первым в русской литературе создал образ горца, для которого жизненный идеал - труд..." (Виноградов Б. С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX в. Грозный. 1966. С. 37-49).

Продолжу мысль своего отца и цитату:

*"...Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей - приверженный супруг"...*

Такая самохарактеристика молодого горца многого стоит на фоне "традиционных ценностей" поведения мужчины-кавказца!

Однако читатель вправе спросить: а причем тут Кубань? И вправе получить на него развернутый ответ.

Начну с того, что "старик Гасуб", его семья и ближайшее окружение отнесены поэтом к "адехам", то есть адыгам, обитавшим от Закубанья до Среднего Терека:

*Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничьей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика...*

*В дорогу шествие готово
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово,
Смиря молча пыл коней...*

Эта этноидентификация дается в связи с детальным описанием и похоронного действия, в котором кавказоведы единодушно усматривают отражение личного знания А. С. Пушкиным горского погребального обряда, присутствующего в ту пору адыгам (собирательное название адыгейцев, черкесов и кабардинцев), исповедовавшим ислам.

Правда, сюжет с атальчеством (воспитание мальчика) в "чеченской" среде как будто бы уводит нас далеко на восток. Однако, если исходить из понимания того, что дом, аул Гасуба располагались где-то в Кабарде, между Кубанью и Дарьялом (а это вытекает из контекста поэмы), то уместно вспомнить прокламацию А. П. Ермолова, строго запрещающую кабардинцам посылать детей в "отуреченное Закубанье, откуда те, вырастая, вывозили суровую и непримиримую ненависть к христианской России... Отныне и впредь, - гласила прокламация, - запрещается

всем кабардинским владельцам и узденям отдавать детей на воспитание к чуждым народам..." (см.: Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Спб. 1883. Т. II. С. 64).

Не случайно, поэма А. С. Пушкина "Тазит" хорошо вписывается в контекст историко-этнографических примет у адыгского населения современных Черкесии и Адыгеи (см.: Бурдакова Т. П. Поэма Пушкина "Тазит" // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп. 1964. Т. III. С. 114-139).

Но ведь тут дело не только в косвенных свидетельствах!

Первое прямо упоминание Кубани звучит в поэме так:

*Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает.
На третий, бледен как мертвец,
Приехал он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:
"Где был ты?"*

Сын:

*Около станиц
Кубани, близ лесных границ...*

Эпизод связан со встречей юного "адеха" Тазита с "супостатом, убийцей брата". И встреча эта, как зорко углядел недавно мой ученик Е. И. Нарожный, случилась в округе станиц Темнолесской и Воровсколесской.

Между прочим, в первоначальных набросках Пушкин объяснял обстоятельства гибели старшего сына Гасуба предельно ясно: "...Пал от пули казака". В этом случае, первоначальная редакция указывает на связь с линейными станицами Кубани, а убийцей, как будто бы рисуется казак с Правого фланга Линии.

Но вскоре эта однозначность снимается автором:

*В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит*

Вблизи развалин Тартуба...

И совершенно верно, что пушкинисты признают состоятельность такой правки, возлагающей вину за убийство на "завистника из своей (адыгской) среды" (Г. И. Кусов). В этом случае резонно возникают ассоциации с закубанскими адыгами, в числе которых в 1820-х годах пребывало много "беглых" кабардинцев - тех самых "своих", одноплеменников для семьи Гасуба.

Тематика нашего края, демонстрируя высокую степень историко-этнографической осведомленности Александра Сергеевича Пушкина, еще не раз угадывается и звучит в поэме, но ярче всего она проступает в строках, где Гасуб, выдвигая цель ментальных требований к Тазиту, мысленно пеняет ему:

*"Нет, - мыслит он, - не заменит
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают золото,
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с нагайскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать"...*

Ногайцы и пушкинское время - один из основных этнических компонентов Северо-Западного Кавказа, а Анапа - крупнейший в восточном Причерноморье Османский пункт пагубного пленопродавства - истинного бича кавказских народов (см.: История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. по 1917 г. М.: Наука. 1988; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар. 1996; Алиева С. И. К истории изучения ногайцев XV - начала XX века на Кубани. Армавир. 1997; Приймак Ю. В. К

хронологии Османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV - первая треть XIX в.) . Армавир. 1997). Не зря же Пушкин считал, что "приобретение восточного края Черного моря (Россией), отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться".

Мирное это средство "принуждения", вместе с другим антуражем поэмы позволяет яснее понять художественный образ Тазита, как выразителя тяги к гуманности и прогрессу...

...Таковы реальности пушкинского понимания российско-кавказских взаимоотношений. Мимолетность пребывания А. С. Пушкина на Кубани в 1820 году невольно становится помехой для исследователей, невнимательных к "кубанским приметам" в его наследии. А они (каждая в своем роде!) нуждаются в выявлении, систематизации и комплексной оценке.

"СКАЖИ: ЕСТЬ ПАМЯТЬ ОБО МНЕ..." **(вместо заключения)**

Вскоре после расставания с Кавказом (как оказалось, навсегда!), Александр Сергеевич Пушкин написал одно из самых пронзительных (на мой взгляд) своих стихотворений, в котором, казалось бы, нет и намёка на недавние южные странствия:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.
Что в нем? Забытое давно*

*В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине
Произнеси его тоскуя
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...*

В этих строках все - личное, от души к душе. Считают, что они адресованы Наташе Гончаровой, которая сухо встретила Пушкина. Вполне возможно! Как возможно и то, что неизгладимые кавказские впечатления, ассоциации тоже диктовали столь возвышенный настрой, раздумья о вечном...

"Печаль моя светла...", "Твой грустный шум, твой шум призывный / Услышал я в последний раз...", "Он не вспомнил, извиняясь комплиментами, мое полное имя...", "памятники с непонятными письменами у дороги"... Все это - строки предшествующих месяцев и обстоятельств, связанных с Кавказом...

Но не в этом суть!

Размышляя на тему: прославленный русский поэт и Кубань, невольно вспоминал я непреходящий для каждого пушкинский вопрос: "Что в имени тебе моем?.." И думал: как много для нас - кубанцев - в имени гения российской словесности! По его произведениям мы (наши дети и нынешние внуки) учились читать и понимать сокровенный смысл своего Отечества?! Разве передашь словами...

Краевая библиотека уже 100 лет носит имя А. С. Пушкина. Редкий город в Краснодарском крае не имеет (кроме обязательной "Красной") улицы А. С. Пушкина. В центре Армавира, в сквере его имени, стоит памятник поэту и на пьедестале - слова из его писем. На трассе старинного "Ставропольского шляха", близ станции Прочноокопской - "Пушкинские высоты". Невдалеке от Новороссийского порта - живописное курортное "Лукоморье"...

Пять лет назад, к 195-летию А. С. Пушкина, умерший недавно Николай Веленгурин публикует лирический очерк "Помнит Пушкина Кубань" (о его брате Льве Сергеевиче), а краснодарский поэт Виталий Бакалдин посвящает великому собрату по перу стихи "На Кавказе":

...Еще он юн,
Он вьюн
 курчавый,
С лукавинками синих
 глаз.
И-памятником вечной
 славы -
- Кавказ...

Это всего лишь мозаика случайно подвернувшихся фактов. Но даже и за ними (как и многими прочими, а имя им - легион!) стоят вечные память и благодарность "солнцу русской поэзии", осиявшему своими благотворными лучами и Кубанские берега, как органическую частицу "Русского Кавказа"!

Н. В. Гоголь сказал: "Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет" (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VIII. Л. 1952. С. 50). Задумаемся: соответствуем ли мы - люди рубежа XX-XXI века - этому восторженному и ко многому обязывающему прогнозу?! А, задумавшись, согласимся, что гоголевская характеристика гения во многом питает глубокие рассуждения академика И. А. Орбели: "Творчество Пушкина давало возможность всем этим народам (народам дореволюционной России, - В. В.) видеть, что по-настоящему представляет собой русский человек, не русский чиновник, не русский офицер на Кавказе. В Пушкине для всех этих народов, как в зеркале, отражались самые высокие, самые лучшие черты русского народа. И Пушкин приучал подвластные Российской импе-

рии народы любить русского человека, любить русский народ.

Эту свою миссию Пушкин выполнял, конечно, несознательно, - не думал он об этом, не стремился именно к этому. Но само бесконечное многообразие и многогранность его творчества обеспечивали возможность Пушкину быть тем фокусом, в котором сосредоточивались в глазах всех этих народов лучшие черты русского народа" (Орбели И. А. Пушкин и грузинская литература // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина. Труды Пушкинской сессии АН СССР. М.-Л.: АН СССР. 1938. С. 203-204).

...Александр Сергеевич Пушкин на горних высотах своих вправе знать, что бессчетны в мире сердца, где живет он. И будет жить всегда, пока живы русский народ и многонациональная Россия!

Благословен и животворящ день его рождения! Святые и непререкаемы его пророческие строки:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси Великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык!..*

Каждый и из нас - кубанцев - свидетель и гарант этой немеркнущей памяти!

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Айрапетов О. Р. Взгляды А. С. Пушкина на восточную политику России XVIII - начала XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 12. 1988.

Алиева С. И. Топонимия ногайцев на Кубани. Армавир: АГПИ. 1996.

Алиева С. И. К истории изучения ногайцев XV - начала XX века на Кубани. Армавир: АГПИ. 1997.

Армавир. Краснодарское книжное издательство. 1983.

Архив графов Мордвиновых. Т. 5. Спб. 1902.

А. С. Пушкин в портретах / Сост. Е. В. Павлова. Иллюстрации. М.: Советский художник. 1983.

Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Лейнейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия. 1996.

Белецкая Е. М. А. С. Пушкин и казачество // Владикавказские Пушкинские чтения. Вып. 1. Владикавказ. 1993.

Бержье-Делагерд А. Пушкин и его современники. Т. 5. Пг. 1914.

Болдино. Осень 1830. М.: Планета. 1989.

Бурлакова Т. П. Поэма Пушкина "Тазит" // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Т. 3. Майкоп. 1964.

Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л.: Советский писатель. 1986.

Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Тифлис. 1901.

Веленгурин Н. Дорога к Лукоморью. Краснодар. 1976.

Виноградов А. В. Лермонтовская Кубань. Историко-литературоведческие этюды. Армавир: АГПИ. 1997.

Виноградов Б. В. Кавказ в политике Павла I. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар. 1997.

Виноградов Б. С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. Грозный. 1966.

Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993.

Виноградов В. Б. Из истории Старой Станицы - Прохорокской. Армавир. 1994.

Виноградов В. Б. Из истории и культуры Кубани: 30 рецензий. Армавир. 1997.

Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. Взгляды А. С. Пушкина на Северокавказскую деятельность генерала А. П. Ермолова // А. С. Пушкин, Кавказ, современность. Пушкинские чтения на Кавминводах. Пятигорск. 1998.

Виноградов В. Б., Королева А. А. Кубанские мотивы в пушкинской поэме "Тазит" // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VI краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Армавир-Краснодар. 1998.

Виноградов В. Б., Ларина О. М. История Кубани в русской художественной литературе. До начала XX века. Программа интегрированного курса. Армавир. 1994.

Виноградов В. Б., Чернова Л. Н. История Кубани в отечественном и зарубежном изобразительном искусстве. Досоветский период. Учебный вспомогательно-справочный материал. Армавир. 1995.

Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII - первая треть XIX века). Полемиические этюды. Армавир-Грозный. 1996.

Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. Военно-санитарная деятельность А. П. Ермолова на Кавказе // Вопросы северокавказской истории. Вып. 2. Армавир: АГПИ. 1997.

Гедеон Митрополит Ставропольской и Бакинской. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск. 1992.

Гериков Г. Путешествие к Кавказским Водам, по Кубанской линии и Тамани // Северный архив. 1823. № 4-

Гершензон М. Северная любовь А. С. Пушкина // Вестник Европы. СПб. 1908.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VIII. Л. 1952.

Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М. 1965.

Дзибель Г. В. Кавказские ассоциации русского былинного мотива // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1994-1995 гг. Краткое содержание докладов. Санкт-Петербург: РАН. 1997.

Записки А. П. Ермолова. 1798-1826. М.: Высшая школа. 1991.

Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. Том I. М. 1987.

История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. по 1917 г. М.: Наука. 1988.

История Ставропольского края с древнейших времен до 1917 года. Ставрополь. 1996.

Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. Научные чтения. Ростов-на-Дону. 1998.

Кавказские минеральные воды. М.: Слово. 1994.

Казачий словарь-справочник. Т. 2 / Сост. Г. В. Губарев. Сан-Ансельмо, Калифорния. США. 1968.

Канивецкий Н. Кубанская область в произведениях А. С. Пушкина // Литература Кубани. Хрестоматия (5-11 классы). Краснодар: Советская Кубань. 1995.

Керейтов Р. Х. Султан Казы-Гирей и его жизнь // Половецкая луна. № 1. Черкесск. 1991.

Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе. 1816-1827 // Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Краснодар: КубГУ. 1998.

Коваленко Ю. С. Пушкинский Северный Кавказ // Археология, этнография и краеведение Кубани. Тезисы докладов VII краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Армавир-Краснодар. 1999.

Королева А. А. Пушкин о линейцах Кубани // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир-Железноводск. 1998.

Кулинич А. А. "...Почто же не спас от неверной жены?" (Отрывок из путевых заметок А. С. Пушкина, не вошедших в "Путешествие в Арзрум", и параллели ему в русской литературе) // Кубань в истории России. Ч. 1. Археология и краеведение Кубани. Тезисы докладов. Краснодар. 1997.

Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Изд. 2, дополненное. Орджоникидзе: Ир. 1987.

Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. Спб. 1910.

Магомадова Т. С. Начало "блистательной эпохи Шамиля" // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Тезисы докладов. Махачкала. 1989.

Маркелов Н. В. "Мстислава древний поединок..." (Кавказское средневековье в интерпретации А. С. Пушкина) // А. С. Пушкин, Кавказ, современность. Пушкинские чтения на Кавминводах. Пятигорск. 1998.

Матвеев В. А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к "тюрьме народов", национализму, евразийскости и российскости. Армавир - Ростов-на-Дону. 1998.

Николаева Т. М. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М.: Индик. 1997.

Орбели И. А. Пушкин и грузинская литература // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина. Труды Пушкинской сессии АН СССР. М.-Л.: АН СССР. 1938. С. 203-204.

Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар. 1997.

Переписка А. С. Пушкина. М.: 1982.

Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского полка Спб. 1883.

Приймак Ю. В. К хронологии Османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV - первая треть XIX в.). Армавир: АГПИ. 1997.

Ракович Д. Тенгинский полк на Кавказе. Тифлис. 1900.

Саводник В. Ф., Сперанский М. Н. Комментарий к дневнику Пушкина // Дневник А. С. Пушкина 1833-1835. М. 1997.

Семенов Л. П. Пушкин и Кавказ. Пятигорск. 1937.

Семенов Л. П. Хронологическая канва путешествий А. С. Пушкина по Кавказу // Владикавказские Пушкинские чтения. Вып. 1. Владикавказ. 1989.

Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г. Спб. 1829.

Судьбы кавказских пленников (1817-1853 гг.) / Сост. Е. С. Тютюнина. Армавир-Нальчик. 1998.

Томашевский Б. В. Пушкин. Т. II. М.-Л. 1961.

Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. М.: Книга. 1990.

Толстой Л. Н. на Кавказе в записях современников / Сост. Б. С. Виноградов. Грозный. 1961.

Трудные годы. Декабристы на Кавказе / Сост. В. А. Михельсон. Краснодар. 1985.

Устинов Б. Очерки истории станицы Кавказской. Ст. Кавказская. 1994.

Фастовцева Ю. В. Черты кубанской этнографии в одном из стихотворений А. И. Полежаева // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VI краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Армавир-Краснодар. 1998.

Федотов Г. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX - первая половина XX века. М.: Книга. 1990.

Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: творческая эволюция. Л. 1986.

Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдение археолога. М.: Наука. 1979.

Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М.: Радикс. 1995.

Хоретлев А. О. Влияние России на просвещение в Адыгее. Майкоп. 1957.

Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. I. М. 1951.

Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. Ставропольское книжное издательство. 1986.

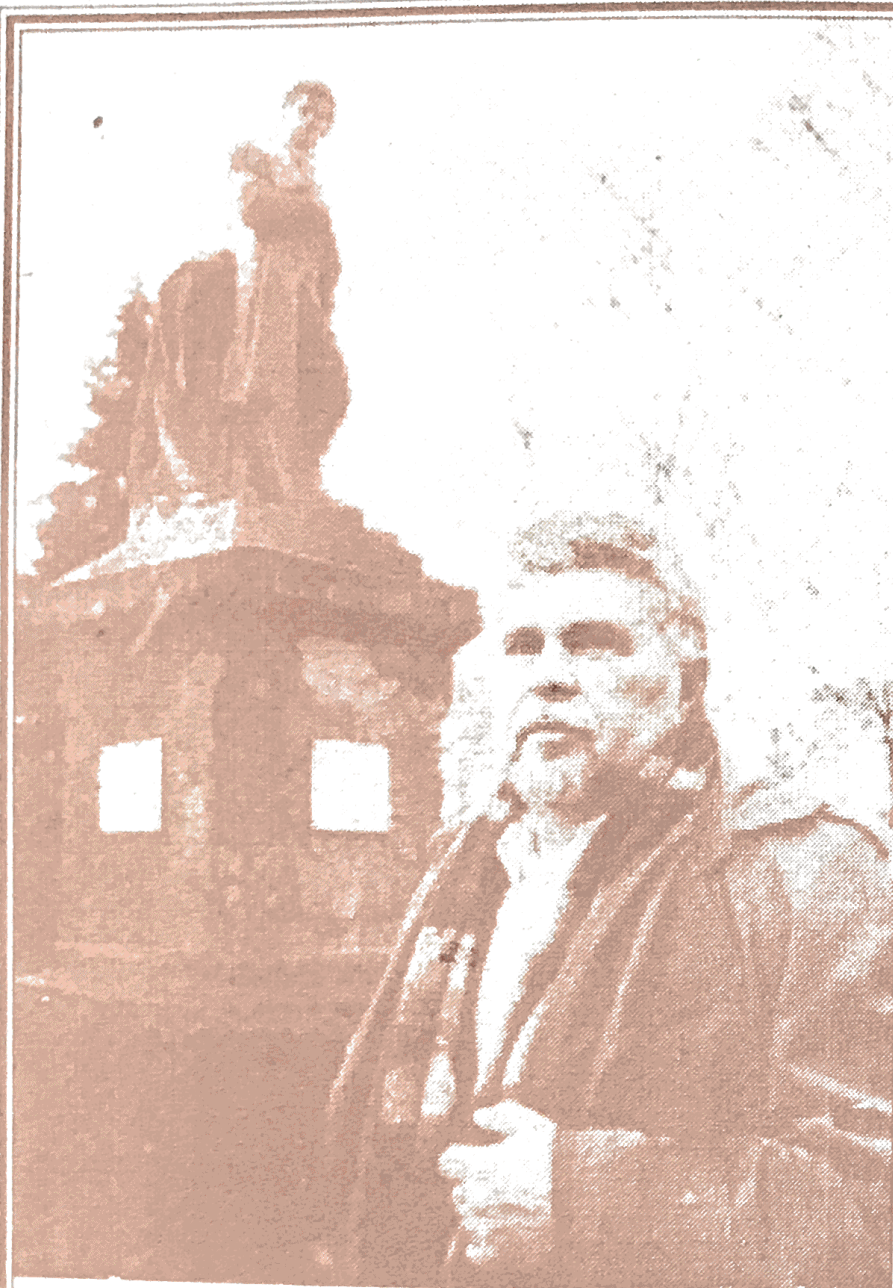
Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа... М.: Наука. 1990.

Содержание

“ЕГО СЛЕДЫ ЕЩЕ ХРАНИТ КАВКАЗ...” (вводные замечания)	3
ЧЕРЕЗ КУБАНЬ “ОН ПРИБЫЛ” В КРЫМ	7
“...ТАМ РУСЬЮ ПАХНЁТІ”	10
“МСТИСЛАВА ДРЕВНИЙ ПОЕДИНОК...”	13
“НА КУБАНИ, ВЫШЕ УРУПА...”	18
“...ЛЮБОВАЛСЯ НАШИМИ КАЗАКАМИ”	24
“ВАША СЛАВА ПРИНАДЛЕЖИТ РОССИИ...”	38
“САМОВАР - ВАЖНОЕ НОВОВВЕДЕНИЕ...”	49
“ОКОЛО СТАНИЦ КУБАНИ...”	55
“СКАЖИ: ЕСТЬ ПАМЯТЬ ОБО МНЕ...” (вместо заключения)	61
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	65

Сдано в набор 12.01.99. Подписано в печать 9.02.99. Формат бумаги 60x84/32. Бумага газетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2, 37. Уч. изд. л. 2,38. Тираж 2000. Заказ 2262.

ГУП "Армавирское полиграфпредприятие", 352900, ул. Комсомольская, 123.

В. Б. ВИНОГРАДОВ: “Он очень современен,
мудр и нежен - наш ПУШКИН!..”